

ИНФОРМАЦИЯ И КНИГА

А.К. Воскресенский

ИНФОРМАЦИЯ И КНИГА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Существующая советская и российская литература рассматривает соотношение понятий «информации и библиотеки» в нескольких проблемных измерениях: чтение, книга, методология библиографии, библиотечная философия, применение новой информационной технологии в традиционной библиотечной сфере, проблематика информационного поиска, тезаурус как инструмент гуманитарного познания.

Философия книги

Со времен Античности методологической основой осмысливания документальной информации как явления служило исследование таких форм информации, как идея и знание. Исследования древнегреческих философов создали основу для осознания письма и его результатов как процедуры и результатов познания, тем самым дав основу гносеологическому направлению формирования знаний о документальной информации. Впоследствии это нашло отражение в этимологии термина «*documentum*», производного от латинского «*doceo*», что означает «учу», «извещаю», «доказываю». Позднейшая производная форма, «*documentum*», имела два значения: 1) поучение, пример, образец, урок и 2) доказательство, свидетельство. Таким образом, этот термин сочетал в себе два аспекта – гносеологический и доказательный.

Более того, Е.А. Плешкевич полагает, что античная доказательность на первоначальных этапах «была связана не с правовой, а с гносеологической природой документа, что делало термин “documentum” синонимом термина “argumentum”, означавшего наглядное доказательство. Наиболее ярко мнемоническую функцию отражает термин “memoria”, который использовался в двух значениях: 1) запись исторического характера или летопись и 2) письменное доказательство» (32, с. 2). Несмотря на наличие в античный период термина «document», его использование для обозначения документов, традиционно определяемых как книга, встречалось крайне редко, преимущественно для книг дидактического содержания. Для обозначения книги использовались термины, произошедшие от названия материального носителя либо его формы. Так, термином «charta» обозначалась книга-свиток из папируса. Термин «liber» в латинском языке начинает использоваться с III в. н.э., «volume» – со II в. до н.э.

Социальной предпосылкой для становления гносеологической концепции книги начиная с поздней Античности и вплоть до Нового времени стало развитие религий, опирающихся на книгу как на источник веры и знаний о мироустройстве. Позднеантичный культ книги под воздействием религиозных факторов стал культом в буквальном, отнюдь не метафизическом смысле слова преклонением перед Библией как письменно фиксированным «словом Божиим» и перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн. В английском языке XVII–XVIII вв. за терминами «document», «documental», «documentary» закрепляются значения «учить», «инструктировать», «давать уроки», а также источники и первоисточники, по-видимому, тоже преимущественно в дидактическом контексте. При этом термином «documental» обозначали то, что относится к обучению и инструктированию, а для обозначения документов административно-управленческого и судебного характера использовались термины «instrument» и «record». Тем самым за термином «документ» сохранялось дидактико-доказательное значение.

С конца XIX в. гносеологическая концепция параллельно и даже синхронно формировалась в рамках документационно-гносеологического (информационно-гносеологического), библиографическо-библиотечного и книжно-документального направления. Бельгиец Поль Отле (1868–1944), увлекшись идеями О. Конта

о субъективном синтезе позитивных знаний и Г. Спенсера об «абсолютно единой системе познания», попытался реализовать эти идеи в рамках направления «Документация». В качестве обобщающих терминов для обозначения носителя знаний им были выбраны «книга», «документ» и «документация», взятые из правовой и исторической концепций документа. В работе «Трактат о документации» П. Отле конкретизирует цели документации как деятельности – «суметь предложить документированные ответы на запросы по любому предмету в любой области знания» (37, с. 198).

Что касается понятия «книга», то в контексте позитивизма книга рассматривается П. Отле как орудие общения индивидов, поскольку она присутствует в деятельности всех социальных учреждений и общественных отношений. Книга также рассматривалась им как носитель в первую очередь научной информации. Термины «книга» и «документ» используются П. Отле как обобщающие и часто употребляются в связке, как синонимы они часто смешиваются. Причина этого кроется в том, что понятия «книга» и «документ» были в концепции Отле вспомогательными: основное внимание было уделено идее документации как идее создания «единого мира знаний открытого доступа» (32, с. 5).

Документационные идеи П. Отле оказали влияние на формирование теории во многих дисциплинах, связанных с научным знанием и его документальными формами. В первую очередь это библиотечно-библиографическая наука, в рамках которой начало формироваться библиографическо-библиотековедческое направление. Идеи Отле были поддержаны в первую очередь библиографами, в том числе отечественными. Б.С. Боднарский еще в 1915 г. резюмирует, что «документы представляют собой графическую память человечества, перенося из века в век, из поколения в поколение накопленные богатства наших знаний» (цит. по: 32, с. 8), в 1930-е годы он вслед за П. Отле вводит одним из первых в отечественной литературе понятие «информация», под которой понимает передачу фактов (см.: 6, с. 48).

В золотой цепи выдающихся деятелей отечественного книговедения особенно ярко сверкает имя Михаила Николаевича Куфаева (1888–1948). Можно согласиться с мнением одного из активных современных исследователей его творческого наследия, назвавшего М.Н. Куфаева «зачинателем советского книговедения», деятельность которого совпала с временами, когда книгове-

дение как буржуазная наука было запрещено; в этом, о чем сейчас можно говорить с гордостью, судьба книговедения похожа на судьбу ряда других развивавшихся, но не угодных официальной идеологии того времени наук, таких как генетика и кибернетика.

Обширная цитата, приведенный ниже отрывок представляет не только научную концепцию, но и талантливо сотканный М.Н. Куфаевым образ Книги: «Первый вопрос философии книги, возникающий перед нами: какова природа и в чем сущность книги? Не мыслится ли исконный источник ее – Мысль и Слово – от века до века существующим? Вопрос большой и трудный. Одно во всяком случае несомненно, книга – продукт человеческой психики, и природа ее психическая. Сущность ее в Слове, и начало ее в Личности. “В начале было Слово и Слово было у Бога”, а не человека, “и Слово было Бог”, т.е. все. Слово было предвечно и лишь во времени стало светом человечества... Когда выявило себя в жизни, “плоть принял”. Когда было зафиксировано глиною или камнем. Тогда Слово, продукт индивидуальный, через эманацию в материю, через воплощение в книге стало фактом социальным, долго не теряя своего мистического значения и нося в сознании людей печать своего откровенного происхождения. “Слово было у Бога”... Прометей похитил этот огонь с неба. Из слова родилась книга, как из головы Зевса рождена Афина (недаром некоторые сказания приписывают Прометею решение задачи – расколоть главу Зевса). И вот родилась Афина при содрогании неба и трепете земли, затмении солнца и кипении моря. Явилось книжное слово. Говорить так о книге – не значит утверждать спиритуализм и отрицать материализм. Наше положение подчеркивает всю важность интеллекта в творчестве книжном. Произнесение слова является Личность, претворение же его в книгу является соборность, потому что создание и завершение книги не принадлежит только личности, но личностям, духовной и материальной среде. Преодоление последней (в результате творчества книги) вскрывает стихийность побежденного хаоса, потому что организация (комбинация бумаги, шрифта, набор, тиснение, издание и пр.) вместо беспорядка знаменует победу соборной мысли над дисгармонией стихии... Таким образом, в природе книги два начала: индивидуальное и социальное» (16, с. 65).

Это восхищенное, обожествляющее отношение к книге и понимание ее социальной сущности стали главным поводом для

целенаправленной травли М.Н. Куфаева советскими специалистами книжного дела в 1920–1930-е годы. Его единодушно упрекали в идеализме, социально-мистических рассуждениях, церковно-поповской схоластике, поскольку он дерзнул утверждать божественное происхождение книги; в метафизичности – поскольку создал метафизические надстройки над наукой в виде «философии книги» и «философии книговедения»; в приверженности к идеям субъективных идеалистов В. Виндельбанда и Г. Риккерта, чью классификацию он использовал в одном из своих трудов. Естественно, что этот апофеоз книги вызвал идеологическую отповедь марксистов-обществоведов: «Книговедческие построения Куфаева приобрели печальную популярность, как жалкая потуга оправдать систему книговедения библейскими текстами и греческой мифологией. Теория Куфаева – идеалистическая разновидность эмпирического книговедения... Теория Куфаева одна из многочисленных разновидностей реакционной буржуазной философии...» (11, с. 18).

Уже в первые послереволюционные годы сложились необходимые условия для разработки общей и единой системы книговедения, этому посвящены две монографии М.Н. Куфаева: «Проблемы философии книги» и «Книга в процессе общения». Хотелось бы подчеркнуть, что упрекать М.Н. Куфаева, как это делали до сих пор его оппоненты, в идеализме нет никаких оснований. Во-первых, «сам объект книговедческого познания – книга во всем реальном ее многообразии – носит духовный, идеальный характер. Скорее, поэтому следует говорить о таком методе, как идеализация» (11, с. 36). Характерно, что в первой схеме М.Н. Куфаева, раскрывающей положение «философии книги» в системе книговедческих дисциплин, отправная точка книговедческого познания обозначена вполне материалистично, как «действительность». Применительно к книговедению она реализуется в таких объективно существующих предметах, как книга, библиотека, архив и т.д. Материалистично и выделение основных этапов книговедческого познания: эмпирического и идеального. Во второй схеме, раскрывающей прежде всего место книговедения в системе научного знания, подчеркнута специфика книговедения как науки о «духе».

Обратившись к текстовому объяснению системы книговедения М.Н. Куфаева, можно убедиться, что исходный, базовый термин «книговедение» для обозначения науки о книге никаким другим термином не подменяется. Книговедение как бы опирается на два

уровня идеализации – философию книги и философию книговедения (библиологию). Философия книги, как это вообще характерно для философского познания, должна проникнуть в сущность книги и привести в систему, в единство все действительное многообразие ее единичного и одностороннего проявления. Первый вопрос философии книги: какова природа и в чем сущность книги? Чтобы ответить на него, философия книги и должна обобщить весь эмпирический материал, формирующийся в рамках единичных, частных книговедческих дисциплин. Это наитруднейшая задача, так как, говоря словами М.Н. Куфаева, «единство идеи книги – единство самой книги, раскрывающейся в сменяющихся образах. В своем единстве мировой жизни книга несет свою миссию, осуществляя свою идею, решает свою задачу, кует свою судьбу...». «Книга – это часть многоликой действительности: нечто единое, обособленное и целое и в то же время, с другой стороны, неразрывно связанное со всем прочим миром, продукт мировой культуры и фактор ее», – цитирует Гречихин Куфаева (11, с. 40).

Таким образом, «философия книги – философская дисциплина, выясняющая принципы книги, определяющие, с одной стороны, ее бытие и развитие, с другой – ее познание». Далее Куфаев дает собственное определение книговедения, снимающее многие частные и принципиальные противоречия своей концепции: «Книговедение не есть собирательный термин для обозначения всех книжных дисциплин... это не простой конгломерат знаний о книге, а система их, объединенная общностью предмета, не совпадающая целиком с каждой в отдельности, но вместе с тем и не противоречащая их выводам. Под книговедением мы разумеем систему знаний о книге, условиях и средствах ее существования и развития. Книговедение – наука о книге в ее эмпирической и идеальной данности» (11, с. 42).

Особый вклад М.Н. Куфаев внес в научную разработку еще одной сложной и до сих пор окончательно не решенной проблемы: определения таких базовых категорий, как книга и книжное дело, выступающих в качестве объекта книговедческого познания. «Самое существенное состоит в том, что книга исследуется не сама по себе, как вещь, явление и т.п., не только как носительница мысли и слова и как специфическое явление материальной культуры. Ставится задача исследовать книгу, “существующую в целях общения

людей". Эта задача и составляет специфику книговедческого исследования...» (11, с. 53).

В послевоенные годы теоретическая (сущностная) неразработанность понятия книги привела к тому, что специалисты в области информатики, библиографии и библиотековедения предложили в качестве нового обобщающего понятия использовать понятие «документ». При этом сущностное определение книги, позволяющее выявить единую информационную сущность и, соответственно, подняться на новый уровень обобщения, отсутствовало. Вслед за библиографией документационные понятия постепенно проникают в библиотековедение, библиотека все больше и больше рассматривается как учреждение, которое организует доступ не к книгам, а к информации, т.е. к содержанию документов. Российский библиотековед Ю.Н. Столяров отмечал, что «термин "книга" неадекватно отражает понятие, обозначающее библиотечный фонд как систему. Правильнее пользоваться терминами "источник информации", "документ"» (32, с. 10).

Период 1980-х – конца XX в. в библиографии характеризуется дальнейшей разработкой информационно-гносеологического направления, в ходе которого сопоставление понятий «информация» и «знание» приводит к выводу, что информация – это форма функционирования знания. В 1990-е годы при анализе понятия «документ» на первое место выдвигается коммуникационная функция. Лидером этого направления стал А.В. Соколов, «поместивший» документ в систему социальной коммуникации. Его концепция получила развитие в работах Г.Н. Швецовой-Водки, где документ понимается как «канал передачи информации», при этом сам канал передачи информации определяется как обязательный элемент информационно-коммуникационной системы. Рассматривая сложившиеся в науке определения документа, выделив восемь типов их функционального наполнения, исследовательница приходит к выводу, что все функции документа как записанной информации присущи и книге. Это значит, что в определении книги можно с полным основанием говорить: «Книга – это документ» (32, с. 10).

Теоретическая разработка понятия документа Ю.Н. Столяровым исходит из всеобщего определения, согласно которому «документ – это объект, позволяющий извлечь из него требуемую информацию». Исследуя онтологическую природу документа, Столяров отмечает, что субстанциональное определение докумен-

та – это его сущностное определение, но существующее только в теории, на практике же он является действительно документом только в случае функционального существования. Другим методологическим моментом выступает объявление понятия «документ» конвенциональным, весьма относительным и довольно условным, представляющим собой результат взаимной договоренности. «В контексте прагматической методологической установки интерпретация документального явления есть результат договоренности». При этом «явление не познается, оно конструируется под флагом междисциплинарности, при этом прочность конструкции определяется голосованием» (32, с. 12).

Подобные трудности уже имели место в истории документальной науки: несмотря на попытки терминологического конкурса Американского института документации, начиная с середины 1960-х годов происходит практически повсеместный отказ от использования термина «документация» и его замена термином «научная информация», являющимся сущностным. В связи с этим в целях преодоления функциональной ограниченности документалистской концепции во второй половине 1990-х годов В.В. Скворцовым было предложено перейти к информационной концепции библиотековедения. Принципиальное отличие информационной концепции от документальной он видел в том, что она, рассматривая библиотечное обслуживание как социальное (а не техническое!) явление, ставит во главу угла, расценивает как главное не документ, а саму информацию. При поиске и определении «главной субстанции» он обращается не к информационному подходу, но к диалектическому материализму, используя основные его положения: единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания.

Подводя итоги формирования гносеологической концепции, можно отметить, что это наиболее разработанная концепция, связывающая сущность документа с информацией – знанием. В качестве основной документальной формы акцент в ней сделан на книгу как документ, содержащий знания. В течение своего длительного развития гносеологическая концепция испытала на себе сильное влияние таких общефилософских подходов, как позитивизм и практицизм.

Интеллектуальный прогресс человечества, рассматриваемый как непрерывно ускоряющийся процесс производства и потребле-

ния социальной информации, уже на начальных своих этапах вызывает необходимость создания специальных средств фиксирования человеческих знаний и опыта в целях их накопления, хранения и распространения. Исторически первичным (но впоследствии не единственным) всеобщим средством такого рода стала письменность. Взяв на себя функции всеобщего источника знаний, книга, сначала рукописная, затем печатная, образовала совершенно новое отношение, в котором и производство знаний, и их потребление одинаково противостоят книге как чтению. Таким образом, «книга, возникнув исторически как следствие развития человеческого интеллекта, превращается в необходимое условие его развития. В результате человек включил себя в им же созданную общественную систему “книга – читатель” или, говоря шире и точнее, систему документально-информационных коммуникаций: “документальные источники информации – потребители документальной информации”. Роль данной системы в ходе человеческого прогресса необычайно усложнилась и стала в настоящее время поистине всеохватывающей» (15, с. 64–65). С точки зрения автора, система «книга – читатель» является исторически первоначальной и до сих пор наиболее значительной формой существования системы «документ – потребитель».

Вокруг книги могут длиться бури и распри, но сама «книга» не имеет злобы дня; подобно кремневой стреле первобытного человека, она документальное достояние историка, хотя бы он был иногда критиком, политиком и т.д. «Книга, мыслимая в своем всеединстве, по своему характеру входит в цикл явлений исторических» (16, с. 68). Таким образом, сущность, природа, характер книги, обусловленность и свобода ее процесса, роль книги и закономерность ее развития – вот проблемы, которые должна разрешить философия книги.

Проникновение в организующую роль факторов книги в связи с мыслимым всеединством и ограниченностью ее выводит нас из пределов философии книги, и мы естественно вступаем в область философии книговедения. «Если философия книги должна определить круг своих вопросов и критерии своих решений, коими конструируется гармоническая картина идей ее предмета, то задачей философии книговедения, по нашему мнению, должно служить конструирование идей науки об этом предмете, другими словами – принципиальное обоснование книговедения» (16, с. 76).

«Первый вопрос, стоящий перед нами: Каков объект книговедения? Будет ли это единичное или общее?» (16, с. 79). Книговедение изучает книгу как событие, произшедшее от такого-то и тогда-то, а не «безличное». Отсюда само собою вытекает, что книговедение является наукой идиографической, т.е. исследующей единичное, а не номотетической, устанавливающей законы явлений. Книговедение изучает конкретное единичное или, по терминологии Сократа, «особенное», а не «абстрактное общее».

Если вспомнить, что изучаемое книговедением конкретное явление – книга – по природе своей явление психическое, а по характеру своему исторично, то следует признать, что и основным методом изучения книги должен быть метод исторический. В этом выводе устанавливается полная и тесная связь между решением формальных и материальных задач философии книги: из основных принципов философии книги вытекают главные принципы философии книговедения. Из сущности и природы книги и характера ее, в связи с характером книжного процесса, вытекает учение о характере самой науки и ее метода. Книговедение – идиографическая наука о книге и ее развитии. Но понятие Виндельбанда об идиографичности в применении к истории книговедения надлежит несколько разъяснить. «Идиографическое» не есть единичное, оторванное от всего остального и изображаемое в чистой своей индивидуальности. «Событие» книги есть событие жизни и «как факт истории, является отрезком от целого, в воссоздании которого и заключается кардинальная задача книговедения. Постижение этой целостной картины жизни книги может осуществиться главным образом посредством метода исторического...» (16, с. 80–81).

При рассмотрении проблематики соотношения «Информация и документ»¹ было отмечено, что, по классификации Швецовой-Водки, «Документ IV – это материальный объект, в котором зафиксирована любая запись информации, выполненная любым разработанным человеком способом» (42, с. 20). Именно Документ IV является тем значением понятия «документ», которое используется в библиотечном деле, в библиографической и научно-информа-

---

¹ Воскресенский А.К. Информация и документ: Гносеологические и онтологические аспекты. Ч. 1. (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 4. – С. 28.

ционной деятельности, в архивном деле. Поскольку гостовские термины и определения привязаны к проблематике делопроизводства и архивного дела, ситуация побуждала ученых к поискам другой, способной отразить особенности библиотечного дела, дефиниции.

Однако в понятии «документ» речь идет не о самих объектах, а об информации, которая передается. А вид информации зависит не от того, в каком объекте она «содержится» (точнее, с помощью какого объекта она передается), а от того, кто ее передает и воспринимает. Главная отличительная черта документа – наличие нооинформации, или социальной информации, – присуща любому документу, потому что он является средством социальной коммуникации, осуществляющейся в обществе, а не коммуникации в неживой или живой природе. «Таким образом, документ, с которым работают библиотечные, библиографические и другие информационные учреждения, это – записанная информация, имеющая реквизиты, соответствующие требованиям определенного жанра и вида документа, зафиксированная на (в) вещественном изделии, основная функция которого – сохранение и передача информации во времени и пространстве» (42, с. 79).

Рассмотрение разных концепций документоведения показывает, что «главное отличие между ними заключается в том, признают ли ее сторонники книгу одним из видов документа» (42, с. 248). Последователи так называемого «традиционного» документоведения отказываются от рассмотрения книги в рамках документоведения, сосредоточиваясь на документах управленческого назначения. Сторонники «широкой» концепции документоведения (документологии) считают книгу одной из разновидностей документа, следовательно, считают необходимым исследование книги с точки зрения документологии, определение общих черт документа вообще и книги в частности, а также отличий последней от других документов. Необходимость рассмотрения книги с позиций документоведения становится особенно заметной, если принять во внимание тот факт, что обеспечение общества информацией происходит, главным образом, благодаря существованию и применению в документационном процессе книги как особого вида документа.

Поэтому «одной из важнейших проблем, касающихся определения и классификации документа, является определение соотношения понятий “документ” и “книга”, а также места книги среди других документов» (42, с. 249). Для того чтобы «документ» пре-

вратился в «книгу», на пути от коммуниканта к реципиенту нужна деятельность коммуникационных посредников, которая превращает документ исходный, созданный автором, в книгу и способствует ее поступлению к получателю информации. Рассматривая место книги в социальном коммуникационно-информационном процессе, можно дать такое определение: книга – это документ, создаваемый в результате деятельности коммуникационного посредника-1 (книгоиздательской или редакционно-издательской организаций) и попадающий к получателю информации в результате деятельности коммуникационного посредника-2 (учреждений системы книгоиздания и книгоиспользования) (см.: 42, с. 257–258). В отличие от любого исходного документа книга с самого начала, с момента ее создания, предназначена для неопределенного круга лиц, или «для абстрактного читателя» (потребителя информации). Следовательно, книга по своей функциональной сущности является документом опубликованным, независимо от формы опубликования (издание или депонирование), особенностей материального носителя информации, знаковой системы ее передачи и канала ее восприятия человеком. Для превращения документа в книгу обязательной является деятельность коммуникационного посредника-1 и коммуникационного посредника-2. Поэтому итоговое определение «книги» может иметь такой вид: «Книга – это документ опубликованный, изданный или депонированный, предоставляемый в общественное пользование через книжную торговлю и библиотеки» (42, с. 258).

В отечественном книговедении сформировался и сохранялся так называемый функциональный подход, или функциональный метод, который считался специфически книговедческим методом. Понимался он как подход к произведению печати с позиций читателя (фактического, предполагаемого или потенциального). Г.Н. Швецова предлагает «...иной подход: идти от функций документа, выяснить, присущи ли они книге и каковы функциональные отличия книги от других документов. Основная функция документа – социально-коммуникационно-информационная – определяется его местом в системе социальных коммуникаций, где он является каналом передачи информации» (43, с. 70). Функции фиксирования информации и ее сохранения, обусловленные материальной формой документа, характерны также и для книги. Все прочие функции документа также присущи книге, однако по степени их выраженности

можно предложить иную последовательность их перечисления: по-знатательная, культурная, мемориальная, управлеченческая, функция свидетельствования. Хотя знаковость и семантичность являются свойствами Книги так же, как и свойствами документа, а вербально-письменный способ выражения информации считается для Книги еще более обязательным, чем для Документа, если не единственно возможным. «Следовательно, этими свойствами Книга не отличается от Документа IV» (43, с. 76).

Наилучшим объяснением характера читательского адреса книги как средства коммуникации должно быть рассмотрение книги как средства ретиального коммуникационного процесса¹. Данная характеристика может быть полностью отнесена к книге. С ней хорошо согласуется и предложение И.Г. Моргенштерна считать свойством книги «адресованность абстрактному читателю, т.е. заранее неизвестному для автора или изготовителя» (28, с. 44).

Вторая существенная черта книги, отличающая ее от других документов, – ее активная роль в формировании общественной идеологии, науки, искусства, морали, общественного мнения. Можно назвать ее «функцией преобразования общественного сознания», «гуманистической функцией», поскольку это – «функция воздействия книги на наше сознание, функция, активизирующая участие человека в преобразовании мира и самого себя» (43, с. 90). Все это позволяет рассматривать содержание книги не только как запечатление мыслей отдельных людей, но и как продукт общественного сознания, идейно-духовной жизни общества, форму существования (сохранения, распространения и развития) идеологии.

В результате сравнительного анализа функций и свойств документа и книги можно сделать вывод, что определения и Доку-

---

¹ В коммуникационной системе «...сигналы могут быть направлены либо точно известным адресатам, либо их некоторому вероятному множеству. Характер этой направленности и является основанием разделения коммуникативных процессов на аксиальные (от латинского *axio* – *ось*) и ретиальные (от латинского *retio* – *сети, невод*). Аксиальный коммуникативный процесс предполагает передачу сообщения строго определенным (конкретное лицо, группа) получателям информации... Ретиальный коммуникативный процесс имеет место тогда, когда передача сообщения ведется не определенному количественно и неизвестному качественно множеству реципиентов (или их подразумеваемому континууму)... В ретиальных системах коммуникации налицо прежде всего анонимность адресата» (7, с. 77–78).

мента, и Книги должны быть функциональными, но они должны быть построены «не на основе перечисления функций и свойств, а на основе выявления их места в социально-коммуникационных информационных процессах» (43, с. 96). Оценивая теоретическую значимость монографии Г.Н. Швецовой, необходимо учесть, что представители так называемого «традиционного» документоведения отказываются рассматривать в нем книгу и сосредоточиваются на документах управленческого назначения, в то время как сторонники «широкой» концепции документоведения считают книгу разновидностью документа, которую необходимо исследовать с точки зрения документологии. Кроме того, автор считает, что раскрытие общих черт и различий, взаимоотношений между документом вообще и книгой в частности очень важно для библиотековедения и библиографии, а также для практических специалистов социальных институтов, осуществляющих информационное обеспечение общества.

В область методологии наряду с понятиями научного познания и ее методов входит также проблема методологического анализа самих объектов научного знания. Методология книги как научная дисциплина пока еще не аргументирована как форма знания о принципах, методах, средствах и процессах познания книги, поэтому следует прежде всего определиться с системой понятий, отражающих систему методологического знания о книге: «метод научного познания книги», «методологический аппарат познания книги», «методологический анализ книги», «средства познания книги», «принципы познания книги», «структура познавательного процесса», «уровни познания книги», «способ», «прием», «подход» и т.д. «Системой данных понятий не представлена никакая другая книговедческая дисциплина. Следовательно, объектом методологии книги являются методы познания книги» (12, с. 16).

Структура методологии книги обусловлена теми аспектами методологического знания, которые она в себя включает (само-рефлексия – теория; знание о принципах, методах и средствах познания книги; знание об уровнях, структуре и механизме методологического анализа книги); состав – единство методологии книги как формы знания и как формы познания. Снабжая книговедческие дисциплины познавательным инструментарием, без которого они не могут получить новое знание о своем предмете, методология книги имеет статус фундаментальной дисциплины (наряду с исто-

рией книги, теорией книги, социологией книги, типологией книги, психологией книги).

Итак, методология книги, имея свою систему понятий, свой объект и предмет, свою структуру и состав, свое место в ряду книговедческих дисциплин и устойчивые границы с ними, не накладывается ни на одну из них. Это означает, констатирует М.П. Ельников, что «в науке о книге формируется новая дисциплина, предназначенная сыграть решающую роль в достижении новых научных знаний о книге, в формировании теории книги, в развитии общего книговедения» (12, с. 17).

Цель исследования М.П. Ельникова – попытаться представить книгу как теоретико-гносеологический феномен, контурно обозначив основные ее качественные узлы, а задача – выделить узловые моменты системы книги и определить их методологические факторы. «Во все времена книга осознавалась не только как хранитель и транслятор знаний, но и как средство познания окружающего мира» (13, с. 53). Однако с древнейших времен книга была и предметом познания – для библиотекаря, книжника, писателя. Постепенно складывался ее теоретический феномен. Здесь достойны внимания ученого не только ее гносеологическая природа, но и пути методологического анализа в контексте генетической связи ее с объектами истории и функционирования как средства отражения и познания современного мира. Как предмет методологического анализа книга представляет собой системное образование, состоящее из материальных, мыслительных, психических и духовных слоев. Для книговеда не может быть каких-либо ограничений в познании книги, которую составляют четыре основные книговедческие категории: состав, структура, содержание, функции (13, с. 54).

Вновь, уже в 2010-е годы, исследователи констатируют необходимость создания общей теории документа. К этому подталкивает, во-первых, сама логика становления и развития научных дисциплин, объектом изучения которых является документ, – управлеченческого документоведения, архивоведения, источниковедения, книговедения, библиографоведения и др. Вновь «важным фактором, стимулировавшим общетеоретические разработки, стал очередной революционный рывок в развитии информационных технологий, появление компьютерных, сетевых технологий, электронных ресурсов» (17, с. 21–22).

«Своеобразной лакмусовой бумажкой в понимании документа стал вопрос о том, включать ли в это понятие книгу, рассматривать ли ее как один из видов документа. И, как следствие, может ли быть построена общая теория документа без учета книги, а значит, и без использования тех существенных теоретических наработок, которые накоплены книговедением – одной из достаточно солидных информационно-коммуникационных научных дисциплин. Нерешенный вопрос о месте книги в общей теории документа является на протяжении последних десятилетий существенным тормозом в развитии отечественного теоретического документоведения» (17, с. 23). Значительная масса специалистов в области управленческого документоведения и архивоведения отказывают книге в ее праве быть документом. В частности, В.П. Козлов однозначно предлагает строить общую теорию документа без учета книги, поскольку документ, по его мнению, принципиально отличается от книги.

В результате «традиционные» документоведы, помещая документ в прокрустово ложе сферы управления, так и не ушли до сих пор дальше постановки проблемы создания общей теории документа, а в среде книговедов кипят нешуточные страсти, хотя именно те из них, что демонстрируют широкий социокультурный подход, сумели добиться наибольших успехов в разработке общего документоведения (документологии). Между тем «исключение книги из огромного мира документов не оправданно ни исторически, ни логически» (17, с. 23).

Причем появление электронных книг во многом стирает формальные отличия книги от других электронных документов, как в докутенберговский период были слабо различимы по внешним признакам рукописные книги в общем массиве документов. Вполне закономерно, что в последнее время признание книги в качестве документа получило закрепление в Федеральном законе «Об обязательном экземпляре документов» (17, с. 24).

В отношении к электронной книге книговеды разделились на две «партии». Сторонники первой, консервативной, не соглашаются на признание «электронной книги» в качестве объекта книжного дела. «Партия» сторонников «электронной книги» численно растет. Наиболее последовательно ее позиции отстаивает Р.С. Гиляревский. Однако в уяснении природы электронной книги выявились существенные разногласия, наметились две тенденции:

1) приписывание электронной книге всех свойств, присущих электронным документам; 2) выделение существенных признаков, общих для электронной и традиционной книги. «Вторая тенденция заключена в принципиальном признании стабильности содержания и знаковой формы реальной книги в традиционном и электронном варианте» (26, с. 156).

Для книговедения кардинальным становится вопрос о разграничении электронной книги и электронной информации в целом. Иными словами, при каких условиях и по каким признакам электронная книга выделяется из потоков и массивов электронной информации? Что прежде всего характеризует электронную книгу? Основными для признания электронного документа книгой являются два условия и соответствующих им признака. Первым является существование электронной книги в форме самостоятельного, пусть относительно, документа, произведения, обладающего индивидуальными поисковыми признаками. Вторым обязательным признаком электронной книги, так же, как и традиционной, является стабильность ее содержания и статичность знаковой формы (26, с. 157). Сущность электронной книги определена в следующей дефиниции: «Электронное издание – самостоятельный законченный продукт, содержащий информацию, представленную в электронной форме, и предназначенный для длительного хранения и многократного использования неопределенным кругом пользователей, все копии (экземпляры) которого соответствуют оригиналу» (1, с. 20).

Удивительные достижения информационной техники и технологии породили иллюзии облегченного решения коренных проблем общественного бытия путем всеобщей информированности. Видимо, существует закономерность в том, что в начальной стадии изобретения и распространения нового информационного средства его энтузиасты и тем более апологеты возлагают на него нереальные надежды, предаются технократическим иллюзиям. Технократическое направление информатизации было фактически поддержано Академией наук СССР. Именно для интенсивной разработки проблем вычислительной техники и автоматизации было образовано в Академии наук новое «Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации», утвердилась трактовка информатики как технической науки и соответствующей отрасли народного хозяйства. И сегодня еще многие ученые «сущностью

информатизации склонны считать проблемы создания и использования информационной техники, а не проблемы оптимизации информационных процессов» (9, с. 3).

Вместе с тем очевидно, что теоретики информационного общества в качестве ведущих материальных средств функционирования информации рассматривают компьютеры, оборудование электронной связи, радио, кино, телевидение, видео, т.е. средства, которые обладают свойствами, отсутствующими у традиционной книги. Но не менее очевидно, что традиционная книга сохраняет ряд свойств, которые не «перехватили» у нее новейшие средства. «Конкретная книга как предмет стабильна, информация, зафиксированная в ней знаками вербальных, нотных, картографических, изобразительных систем, недвижна, но в таком источнике знаний нуждается и продолжает нуждаться человек» (27, с. 344). Да, переход к информационному обществу стимулируется возрастающей потребностью в динамичной, оперативно возникающей, преобразуемой и доступной информации. Этим в первую очередь объясняется ускоренное развитие новейших технических средств коммуникации. Но при этом не исчезает потребность в стабильной, «медленной» информации. Представляя собой результат коллективного творчества его создателей, отчужденный от них продукт, тиражированный, как правило, в идентичных экземплярах, книга в процессе общения с нею читателя становится средством индивидуализации личности. «На первый взгляд, это утверждение парадоксально. Книга есть средство отчуждения от автора его личных идей, наблюдений, эмоций и других составляющих духовного мира. Становясь достоянием общества, они обретают свойства надындивидуального, общего, а не особенного. Напомним, что письменность как средство утраты личностных свойств осуждал еще Сократ» (27, с. 344).

Вероятное будущее книги в информационном обществе определяется тем, что формирование информационного общества возможно только эволюционным путем. В условиях нормального мирного будущего человечества информационное общество будет создаваться постепенно, свободно, без насилиственного ускорения, без «внедрения». Очевидно, что люди будут стремиться получать информацию наиболее ценную, обогащенную новейшими данными. Такую информацию могут предоставить автоматизированные системы. Но нет оснований абсолютизировать их информацион-

ные возможности. Все более очевидной становится утопичность представлений, согласно которым все накопленные человечеством знания можно поместить в некую «всемирную память», единый универсальный банк данных, находящийся в одном или нескольких (дублированных в целях страхования от случайных катастроф) центрах (27, с. 352).

«Безусловно, информация, которая будет эффективнее функционировать в некнижных формах, без каких-либо ограничений станет создаваться, распространяться, преобразовываться, потребляться с помощью технических средств и в данных сферах. Но при этом гораздо чаще будет возникать потребность использования традиционной книжной формы» (27, с. 353). Данное утверждение можно обосновать несколькими доводами. Во-первых, традиционная книга останется важнейшим для формирования полноценной личности средством воспитания историзма мышления, духа наследования и преемственности культуры. Книга сохраняет образ прошлого с его поисками истины, с его заблуждениями и прозрениями. Во-вторых, профессиональная деятельность будет носить в большей степени творческий, исследовательский, поисковый характер, предполагающий неоднократное возвращение к памяти прошлого, зафиксированной в книжных богатствах. В-третьих, привязанности читателей к традиционной книге адекватно психологическое стремление авторов закрепить и сохранить результат творчества в книжной форме – наиболее привычной, долговременной, по-своему надежной.

Представляется, что сейчас мы стоим перед фактом, что форма и организация носителя информации не могут выступать основанием для их дифференциации. «Единственным признаком, сохраняющим стабильность в условиях электронного информационного пространства, может выступать информационный признак, лежащий в основе формирования трех основных социальных информационных институтов» (29, с. 6). На риторический вопрос Р.С. Гиляревского «Библиотека или медиатека? С какими видами электронных изданий должна работать библиотека, со всеми или с некоторыми?» (11 а, с. 259), мы полагаем, можно ответить, что со всеми видами, содержащими информацию, обладающую качеством бессрочности. То же самое касается и книговедения. Важным методологическим вопросом, ждущим своего решения на теоретическом уровне, является вопрос относительно не только статуса

«электронной книги». «Проблема стоит гораздо шире – это теоретическое обоснование всех форм документов, содержащих информацию, идентичную той, которая была традиционно представлена книжной формой» (29, с. 6).

Анализ сложившейся в данном цикле дисциплин институциональной ситуации свидетельствует о том, что «существенный теоретический прорыв и преодоление кризиса в них следует связывать с переходом на документально-информационную концепцию, наиболее полно раскрывающую сущность документальных фактов и явлений» (29, с. 9). А это, в свою очередь, – с приходом новых лиц в управление архивно-документоведческой наукой. В противном случае накопившееся «теоретическое отставание примет необратимый характер и, как следствие, произойдет поглощение документоведения либо архивоведением, либо дисциплинами библиотечно-библиографического цикла» (29, с. 9).

Книга как основной источник информации в обществе со второй половины XX в. стала трансформироваться, видоизменяться, уступать свои позиции новым источникам информации, имеющим иную материальную основу, систему выразительных единиц, в конечном счете и другую форму. Этот факт поставил «исследователей-книговедов перед необходимостью расширить термин “книга” до термина, более адекватного современным реалиям, что и было решено именовать документом, а соответственно, науку, его изучающую, – документоведением» (30, с. 7). Автором «новой версии» стал известный теоретик библиотечного дела, профессор, доктор педагогических наук Ю.Н. Столяров. В качестве объекта документоведения в «новой версии» выбран документ в самом широком смысле, а дисциплина определена как обобщающая и интегрированная.

Таким образом, «основным объектом теории документальной информации выступают информационные процессы, имеющие системный характер и определяемые как документирование информации» (31, с. 23). В рамках теории документальной информации Е.А. Плещкевичем были предложены два научных принципа и раскрыт их методологический потенциал в исследованиях по библиотековедению и книговедению. В основе первого принципа лежит тезис о том, что «документальная деятельность является составной частью информационной деятельности». Этот принцип вытекает из более широкого и универсального принципа, который

формулируется как «принцип “информатизации”, связывающий эволюционные процессы в природе и обществе с эволюцией информационной деятельности по производству, хранению, передаче и обработке информации» (31, с. 24). Следуя этому принципу, можно отметить, что сущность документальных явлений может быть раскрыта на основе анализа информационной природы всех ее составляющих. Это касается не только технических, но и социокультурных аспектов, поскольку документ связан, в первую очередь, с информационной культурой как составным элементом культуры вообще. Из данного принципа вытекает также понимание документальной деятельности как определенного этапа в истории информатизации.

«Документ появляется тогда, когда возникает информационно-документальная система, в основе которой лежали те или иные социальные институты, в рамках которых происходит взаимодействие авторов информации и ее потребителей» (31, с. 24). В основе оперативной информационно-документальной системы находились и находятся органы власти и управления, в основе ретроспективной (архивной) – архив, в основе диахронной – библиотека. Первой библиотекой, на основе которой возникла диахронная система, конечно условно, следует признать Александрийскую библиотеку. Именно включение рукописи в состав фонда библиотеки, ее трансформация в книгу-документ позволили ей сохраниться как таковой и дойти до нашего времени. «Не бумага и чернила, которыми может воспользоваться любой из нас, а библиотека как система сделала возможным передачу информации во времени и пространстве,нейтрализовав социальные факторы искажения» (31, с. 25). Что касается библиографии, то в рамках системного принципа ее возникновение можно связать с возникновением информационно-документальной системы. Предложенные принципы позволяют сформулировать базовые понятия теории документальной информации. «Под документальной информацией мы предлагаем понимать информацию, аккумулированную информационно-документальной системой, сочетающей в себе как информацию, содержащуюся в документах, так и в регистрационных и справочных формах» (31, с. 25). Иными словами, документальная информация содержит в себе и семантическую, находящуюся во всей совокупности информационных сообщений, и структурную информацию самой информационно-документальной системы.

Между тем различие между книгой и кинофотофонодокументами как формами документализации знаний и чувствований далеко не только внешнее и не только количественное (под этим имеется в виду набор тех или иных формальных характеристик). Главный вопрос: заменят ли эти новые средства книгу? Закон общественного прогресса неумолим. И надо твердо и определенно заявить: «Если во всех существенных отношениях они будут лучше произведений печати, то – да, непременно заменят». Однако несмотря на все технологические новинки, мы будем держать в руках книгу – «потому, что способ фиксирования нужных данных остался прежним: мысли, слова и чувства автора перекодированы в условные значки и символы, понятные читателям. Суть произведений печати именно в этой условности, дающей полную свободу нашему собственному творчеству. А радость творчества ни с чем не сравнима, ничем не восполнима и ничем не заменима». Зачем же от этого отказываться, да еще добровольно? Именно самый способ фиксирования информации – путем предельно условных знаков – неизбежно возбуждает наше воображение, т.е. внутреннее видение читаемого, которое в лучших своих проявлениях принимает почти осязаемый, реальный характер. «Почему читать труднее, чем смотреть телевизор? Потому что при чтении книги работает воображение. При просмотре фильма оно спит» (36, с. 90).

Читая книгу, человек осуществляет умственную работу: расшифровывает абстрактные черные значки на бумаге, переводит их в понятную для себя речь, проговаривая ее про себя. Язык книги переводится на внутренний язык человека, становится частью его мышления. Из всех современных искусств только литература «изохронна» человеку – вызывает его на диалог. Об изобразительных искусствах я не говорю: они статичны, в них нет движения мысли. «Только литература обладает уникальным свойством – она порождает движение мысли и ничем не ограничивает его». Фильм – это не просто книга плюс зрительный ряд, звук, цвет и прочее, а еще и книга минус домысливание. «Фильм обязан все показать: интерьеры, костюмы, интонации. С книгой читатель все это проделает сам, и притом незаметно для себя» (36, с. 91).

Работа над книгой – это работа и над собой, постоянная сверка позиций и поступков героев со своими собственными. Вот почему настоящая книга действительно может глубоко «перепахать» настоящего читателя. Да, у средств массовой информации

нет этого запаса – условности. Там и знания, и эмоции передаются непосредственно, слышимо и зrimо. Да, условность формы – самый главный недостаток книги, создающий препятствия при ее усвоении: сиди, механически усваивай, что каждая закорючка значит, а в каждом языке она своя. Но «этот главный недостаток – одновременно и самое главное ее достоинство, пока ничем не пре-взойденное и, что самое важное, не нуждающееся в этом» (36, с. 93). Итак, вечна не форма, а самая суть книги, и адекватная ей замена человечеству просто не требуется.

Ю.Н. Столяров констатирует, что в настоящее время документоведение и книговедение развиваются параллельно, ощущают себя самодостаточными, не нуждающимися ни в какой науке, которая изучает некие общие вопросы, равно относящиеся к книговедению и документоведению (37, с. 67). На сегодняшний день в разных сферах документативной информации слово *книга* получило распространение в зависимости от степени обобщения или специфики фиксируемой информации. В документоведении книга есть континуальный документ, фиксирующий текущую фактографическую информацию. В книговедении книга – по преимуществу дискретный документ, фиксирующий законченную идеографическую (концептографическую) информацию. В библиографоведении книга и того и другого рода – объект аналитико-синтетической обработки. Результат этой обработки тоже может выступать в виде книги как итога документографического описания.

В середине 1990-х годов библиотечная практика, в частности практика формирования фондов крупных библиотек, принудила библиотекарей вслед за информатиками «ратовать за собирательное понятие “документ”, вынуждая понемногу и книговедов признать это понятие» (38, с. 25). Многие виды документов не рассматриваются книговедением на том основании, что они якобы еще слишком молодые, неустоявшиеся; что они нетрадиционные, т.е. как бы не заслуживают внимания; что они не имеют книжной природы и потому не входят в предмет рассмотрения книговедения. Эти и подобные доводы при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики. «Большинство из “новейших” видов документов существуют уже второй век, некоторые даже начали отмирать» (38, с. 27). А книговеды тем временем все еще только примеряются к этим «новейшим» видам документов, придумывая

доводы главным образом в пользу того, как бы отказаться от вовлечения этих документов в поле своего зрения.

Вопрос о подъеме научной и технической информации в тесной связи с дальнейшим развитием и совершенствованием работы библиотек и библиографических учреждений поставил в 1964 г. заместитель директора Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина Оган Степанович Чубарьян. По его мнению, «действенные и выдержавшие испытание временем библиотечные и библиографические методы существенно обогащают и расширяют методы информационной работы», развитие которой «может быть осуществлено в государственном масштабе лишь при помощи хорошо организованных библиотек и при наличии системы различных библиографических материалов» (41, с. 3). Импульс к развитию в этом направлении дает специальное постановление Совета министров СССР от мая 1962 г. «О мерах по улучшению организации научно-технической информации в стране».

В это же время Э.С. Бернштейн, как оппонент О.С. Чубарьяна, утверждал, что библиотечно-библиографические методы перестали удовлетворять потребителя информации и что в конечном счете библиотеки вольются в органы информации и образуются единые информационные центры, в составе которых на базе библиотечных фондов будут созданы справочно-информационные фонды. Следовательно, библиотека превращается в отдел фонда органа информации, и ни о каких собственно библиотечных методах работы (кроме поиска) речь уже не идет. Э.С. Бернштейн прямо пишет: «Создание и использование справочно-информационного фонда является делом всего центра, а на долю отдела фонда (в составе которого находится и бывший библиотечный фонд) остаются лишь операции непосредственной обработки и обслуживания фонда». Рассматривая подобную перспективу, О.С. Чубарьян опасался, что в качестве практического вывода из подобных теоретических измышлений возникает предложение о слиянии библиотек и органов информации, об образовании единых информационных центров. При этом библиотеки теряют свою самостоятельность и становятся составной частью справочно-информационного фонда: «Составными частями информационно-справочного фонда являются библиотечный фонд и справочный аппарат». При этом в понятие «справочно-информационный фонд» в один ряд, на равном положении включается как «то, что раньше называлось библиоте-

кой», так и различные вспомогательные картотеки, при этом «проявляется полное непонимание функций библиотеки как очага пропаганды книги, ей отводится роль аморфного фонда – придатка органа информации» (41, с. 4).

Более того, выдвигается положение о том, что в современных условиях основная масса специалистов для решения производственных задач не в состоянии пользоваться литературой, не нуждается в чтении и вполне может довольствоваться частичной фактической справкой, полученной при помощи машин. «Отсюда и попытки представить библиотеку будущего как библиотеку без книг, без читателей, без библиотекарей» (41, с. 5). Для О.С. Чубарьяна несомненно, что идеи «реформы библиотек», якобы вытекающие из интересов и потребностей научной и технической информации, не отличаются оригинальностью; они без всякой попытки критического анализа заимствованы из высказываний зарубежных библиотековедов и представителей информационной теории. М. Гриффин (США), придерживаясь в вопросе о судьбах библиотек крайних взглядов, еще в 1962 г. писала: «Потенциальная библиотека завтрашнего дня – это библиотека, наполненная людьми, а не книгами, так как книга не сохранится в ее традиционной форме». И доводя эту мысль до логического конца, она утверждала, что библиотекари будущего «будут высокообразованные специалисты, основная квалификация которых будет заключаться в знании машин, т.е. специалисты, совершенно отличные от сегодняшнего библиотекаря, главная забота которого – знать книги, изучать читателей и обслуживать их» (46, р. 5). Именно такая формально-техническая трактовка деятельности библиотек привела к распространенному на западе отождествлению библиотековедения и документации. Так, Д. Шира (декан Библиотечной школы при Кливлендском университете) пишет, что документацию «можно расценивать как теорию библиотечного дела, призванную рассмотреть возможности повышения коэффициента полезного действия зарегистрированных знаний путем изучения и введения новых средств анализа, отбора и поисков графических документов» (цит. по: 41, с. 6).

По мнению крупного руководителя ведущей советской библиотеки, практическое осуществление всех этих идей «реформы библиотеки» привело бы к крайнему сужению библиотечно-библиографического обслуживания широчайших слоев, специали-

стов и работников науки и к резкому ограничению использования книжных богатств, собранных в библиотеках. «Лишение библиотек их основных функций – активной пропаганды книги и руководства чтением, информационной и справочно-библиографической работы в помощь использованию книжных богатств, превращение библиотек в мертвые хранилища (“отдел фондов органа информации”) означало бы фактическую ликвидацию библиотечно-библиографических методов информации и в конечном счете нанесло бы серьезный ущерб развитию научной и технической информации в целом» (41, с. 6). (Похоже, что жизнь реализовала именно этот проблемный сценарий библиотечного развития, который в России существенно осложнили социокультурные последствия перехода от социализма к капитализму. – *A.B.*)

Для того чтобы успешно реагировать на вызовы времени, О.С. Чубарьян предлагает в своей публикации 1964 г. четко выделить, развести «во-первых, специально организованные материалы, отражающие достижения науки и производственный опыт, еще не освещенные в литературе, и, во-вторых, мировой литературный фонд (поскольку печатное слово во всех его видах продолжает оставаться важнейшим источником информации). Изучение мирового литературного фонда в целях информации распадается как бы на два этапа: 1) библиографический (выявление, систематизация и библиографическая обработка) и 2) аналитический (отбор наиболее ценного, создание на этой базе новых источников информации – рефератов, обзоров и др.)» (41, с. 8).

Философия книговедения

Приравнивание понятия «книга» к понятию «документ» и создание новой науки – документоведения связаны с именами П. Отле и А. Лафонтена. При всех заслугах П. Отле, «и он, и последующие “документалисты” были непоследовательны. Они то отождествляли понятия “книга” и “документ”, то разграничивали их. При этом одни исследователи рассматривали понятие “книга” как более широкое, включающее в себя и документ, другие, наоборот, считали книгу разновидностью документа» (2, с. 6). В русской традиции теоретики, начиная с Н.М. Лисовского, рассматривали книговедение как комплексную науку, занимающуюся

изучением книгоиздания, книгораспространения и книгоописания. Учитывая, что конечным адресатом книги является читатель, исследователи и его стали рассматривать как объект книговедения, что привело к появлению формулы триединого объекта книговедения: книга – книжное дело – читатель. Не все книговеды принимают ее, некоторые предлагают иную формулу: автор – книга – читатель.

Итак, книга рассматривается с этих позиций как произведение печатного станка (наличие рукописной книги положения не меняет), как печатное издание в форме кодекса, предназначенное для чтения. Традиционное представление о книге покоится на четырех «китах»: наличие текста, передаваемого условными знаками, закрепленного на материальном носителе и предназначенного для зрительного восприятия (чтения). В настоящее время все более дает о себе знать следующая тенденция: исследователи пытаются отказаться от термина «книговедение» для обозначения науки о книге (в широком смысле слова), заменяя его «документоведением» или «документалистикой». Можно ли игнорировать процессы, которые происходят в сфере книжного дела? Можно ли не считаться с тем, что традиционную книгу теснят новые технологические устройства и средства коммуникации, хранения и передачи информации? Разумеется, это невозможно, несерьезно, беспersпективно. Однако, заменяя понятие «книговедение» понятием «документоведение», а понятие «книга» – понятием «документ», равно как понятие «читатель» – понятием «потребитель», «мы не решаем всех проблем, которые встают перед теоретиками и практиками книжного дела» (2, с. 8).

А.В. Соколов в работах «Эволюция социальных коммуникаций» (СПб., 1995) и «Введение в теорию социальных коммуникаций» (СПб., 1996) как крупнейший специалист в области информатики разработал концепцию социальных коммуникаций с учетом важнейших положений философии и иных гуманитарных наук, особенно семиотики и культурологии. Несомненно, что в концепции А.В. Соколова «осмысление и систематизация факторов эволюции социальных коммуникаций осуществлены на таком уровне, которого не достигали другие исследователи» (2, с. 8). Для нашей темы интерес представляет построенное А.В. Соколовым «Древо социальных коммуникаций западной цивилизации». Исследователь подразделяет все средства коммуникации на традици-

онные и нетрадиционные. К традиционным он относит письменность и книгопечатание, к нетрадиционным – телефон, радио, ЭВМ. В «Древе» выделены также исходные каналы – устная коммуникация и символная документация как традиционные каналы, с которыми связаны также национальные и искусственные языки. В зависимости от материально-технического оснащения, т.е. от применяемых каналов, А.В. Соколов различает три рода социальных коммуникаций: устная, документальная (прежде всего письменность) и электронная, а в зависимости от методов и средств – четыре уровня коммуникационной культуры: словесность, письменность, книжность, экранность.

Таким образом, один из трех составных объектов книговедения – книга – может трактоваться как традиционный и нетрадиционный объект. В зависимости от подхода, угла зрения будет меняться и понимание термина «книговедение». При этом все традиционные письменные средства коммуникации имеют следующие «знаковые» показатели: условные знаки – символы, передающие человеческую речь, текст, состоящий из этих знаков-символов, материальный носитель. Сравнительный анализ понятий «книга» и «документ» свидетельствует о том, что они могут употребляться и как идентичные и как специфические, что зависит от того, какой смысл вкладывается в каждый из них. Вместе с тем только исходя из этих понятий, мы не можем решить вопросы об объекте и предмете книговедения, о его отличии от документоведения или тождественности ему.

Все это свидетельствует, «во-первых, о продолжающейся эволюции средств коммуникации и информации, о постоянном расширении “древа социальных коммуникаций”, а во-вторых, о все еще имеющей место неупорядоченности употребления основополагающих понятий “книга” и “документ”, что сказывается на состоянии как теории, так и практики книжного дела. Прежде всего – и это обязательное условие – необходимо договориться о терминах» (2, с. 12). Если говорить о традиционных каналах, то в этом случае понятия «книга» и «документ» могут выступать как равнозначные. При этом нужно условиться, что «книга» – понятие более узкое, чем «документ». В таком случае книговедение представляет собой понятие менее широкое, чем документоведение, а под книгой следует понимать любое произведение письменности и печати, закрепленное на любом материальном носителе с помощью услов-

ных знаков, передающих человеческую речь. Под это определение подпадут все виды письменности и печати.

Таким образом, в рамках подхода А.В. Соколова возникает «иерархия» коммуникативных и информационных наук.

1. Книговедение (наука о традиционной книге и книжном деле).
2. Документоведение (наука о нетрадиционных средствах коммуникации).

3. Социальные коммуникации (общая наука о средствах коммуникации и информации).

Общую теорию социальных коммуникаций следует при этом рассматривать как некую мета науку, изучающую и выводящую общие закономерности развития средств коммуникации и информации, а «книговедение должно оставаться книговедением. Прогресс заключается не в отмене или подмене наук, а в их разумном сочетании» (2, с. 15).

В статье 1994 г. И.Е. Баренбаум оценивает состояние современной науки о книге, когда можно говорить о двух основных пониманиях книговедения – «как комплексной науки и как комплекса родственных наук о книге, книжном деле и читателе» (3, с. 5). При этом приверженцы комплексного подхода усматривают резон в интеграции, в сближении и взаимообогащении наук родственного цикла; сторонники взгляда на книговедение как на комплекс наук исходят из соображений их дифференциации, не отрицая близости наук по объекту, но возражая против необходимости жесткой интеграции, основанной на единстве общей теории и закономерностях. В то же время сторонники и той и другой концепции едины в понимании состава книговедения, его трех основных звеньев (по объекту) – книгопроизводства, книгораспространения, книгопользования. Иначе говоря, в основе современных концепций книговедения лежит формула, выработанная еще Н.М. Лисовским¹, оказавшаяся при всей кажущейся ее элементарности (гениальное – просто!) исчерпывающей и продуктивной.

---

¹ Лисовский Николай Михайлович (1854, Москва – 1920, Петроград) – русский библиограф, в 1881–1882 гг. – редактор журнала «Русская библиография», в 1884–1894 гг. – редактор и издатель журнала «Библиограф». С 1913 г. читал курс книговедения в Петербургском университете. Его труд «Русская периодическая печать 1703–1900 гг.» (Петроград, 1915) – ценный вклад в русскую библиографию.

На основании методологического единства понимания объекта книговедческой науки определились составляющие ее основные звенья: наука о редакционно-издательском деле, о книжной торговле (библиополитика), библиотековедение, библиографоведение. Наметилась все более привлекающая теоретиков тенденция поиска науки обобщающего характера, которая, выступая в роли «мета-науки», могла бы охватить все средства и всю систему коммуникаций, от древнейших форм письменности до современных компьютерных средств информации. В этих поисках участвуют книговеды, библиографоведы, специалисты по информатике, предлагается назвать новую науку «Общая теория информационно-коммуникативных наук» (И.Е. Баренбаум), «Социальные коммуникации» (А.В. Соколов), имеются и иные решения. Аналогично ситуации в теоретической области «строго научный подход к изучению истории книги требует в трудах общего характера рассмотрения всего комплекса книжных явлений, т.е. самой книги, книжного дела и читателя. Иными словами – изучения издательского дела, книжной торговли, библиотечного дела (в том числе и библиографии) и читателя» (3, с. 11).

В книговедческой литературе порой происходит подмена понятий – под методологией науки понимается методика и наоборот. Ставится знак равенства между методами науки и методами дела, производства, технологическими приемами и рецептами. «Это в значительной мере было свойственно библиографоведческим трудам, когда, например, методика составления библиографических пособий воспринималась как методы библиографии, точнее – библиографической науки» (3, с. 14). «Слово тоже дело» – этот афоризм весьма применим к исследованиям книговедческого характера. Книговедение как общественная наука в целом ближе к практике, чем, скажем, история, литературоведение, тем более философия. Оно ближе к наукам социологического цикла. Прикладной характер книговедческих дисциплин постоянно ощущается самими книговедами. Неудивительно, что некоторые теоретики выдвигали тезис о научно-практическом значении библиографии, расценивая собственно библиографическую работу как научную, и возражали против выделения в самостоятельную область знания библиографоведения. Библиотековеды, которые на первых порах предпочитали дистанцироваться от книговедения, относились с известным скептицизмом и нигилизмом к книговед-

ческому форуму, постепенно стали примыкать к этому своеобразному книговедческому «братьству», все более убеждаясь в нецелесообразности изоляционистской позиции (см.: 3, с. 15–16).

Очевидно, что в анализе книги кроется некая принципиальная трудность. Герменевтически книга может трактоваться и часто трактуется либо как пустая передающая среда, либо отождествляется с текстом. Иногда свойства книги переносятся на текст. Ещё чаще встречается более вульгарный вариант: именование текста книгой. Например, мэтр официального советского книговедения И.Е. Баренбаум рисовал такую схему книжной документации: «автор – книга – издатель – читатель». Получается, что издатель получает от автора уже не текст (в частности, в виде рукописи), а готовую книгу. Но в чем тогда его роль и что именно передает он читателям? Это не случайная небрежность, а убеждение, выразившееся во многих и многих трудах разных авторов. Причина подобных aberrаций, конечно, в том, что «книга (и прежде всего печатный кодекс) для европейца последних четырех столетий – непременное условие восприятия социально значимого текста. Бытовое выражение “читать книгу” приобрело неправомерный научный статус» (13, с. 108).

Есть все основания представить процесс смыслопорождения как распространение смысловой волны, порождаемой взаимодействием элементов текста. Тогда станет довольно очевидно, что всякий (смысловой) предмет, стоящий между текстом и читателем, есть смысловая перегородка, о которую волна «разбивается», об разуя «брызги» – конкретные смыслы (результаты конкретных актов осмысливания). Если же, в традициях классической гносеологии, представлять осмысливающего и осмыслимое (текст) неподвижными, то подвижной окажется уже смысловая среда, отделяющая их друг от друга. С этой точки зрения смысловая перегородка будет заслонять некоторые из смыслообразующих элементов, уничтожая возможность появления определенных смыслов и провоцируя рождение других. «Воспринимать и, следовательно, осмысливать текст в отсутствие смысловых перегородок мы в обычной жизни не можем» (13, с. 108).

Осмысленный текст существует не как корпускула, а как смысловая волна в интертекстуальном поле, книга же остается непосредственно материальной. «Таким образом, складывается первое противоречие в системе “текст – книга”: *текст континуален*,

книга дискретна» (13, с. 109). Поскольку это так, мы никогда не вступаем непосредственно в интертекстуальное поле, а наблюдаем лишь «выражающий» (и вместе с тем скрывающий) его ряд дискретных единиц – книг. Иначе говоря, «библиотека», являясь необходимым условием существования культуры, по необходимости же скрывает, разрывает и деформирует ее смысловое целое, которое приходится восстанавливать в результате многочисленных попыток угадать разорванные связи между «книгами», т.е. между текстами. Создавая иллюзию самодостаточности «текста»-корпускулы, изоляция текста в книге разрывает и слои его осмыслиения: соотнесение с собственной идеей, место в историческом ряду подобных текстов (также воспринимаемых как корпускулы) и связи в интертекстуальном поле. Последние открываются взгляду исследователя лишь в последнюю очередь, причем неприятным сюрпризом становится исчезновение самого текста (на деле – простое следствие принципа дополнительности).

Таким образом, преимущественно книжная форма существования текста отбрасывает «материальную тень» и на всю культуру, и на каждый отдельный фиксированный в книге текст. У этой тени два источника. О первом уже сказано: это пространственная ограниченность книги. Известно и то, что перевод рукописания в машинописную форму уже в значительной мере обезличил для исследователя «лабораторный» этап создания произведения, а поголовный (и во многих отношениях необходимый) переход на компьютеры сотрет индивидуальность письма окончательно вместе с самим понятием черновика: едва ли найдется много сумашедших, согласных тратить дискеты на сохранение всех версий текста, а поверхностная правка практически вовсе не может сохраняться. «В этом отношении писание на компьютере становится частичным возвратом к устности» (14, с. 110).

Логически возникновение таких теней выводится из второго генерального противоречия в системе «текст – книга», а именно: *текст свободен, книга ангажирована*. Свобода текста состоит в его личностнаподобной непредсказуемости: судьба его не известна никому, включая его «первоосмысляющего» – автора; никто не может знать ни того, какие вопросы тексту будут заданы, ни того, как он сможет на них ответить в каждой конкретной ситуации. Поэтому текст свободен от автора, не знающего действительной финальности своего создания. Но он свободен и от читателя: никакое

чтение не может быть «присвоением» текста, чего так опасается постструктурализм. Каково будет смысловое завершение текста и будет ли оно адекватно его идее, зависит не от чьей-то отдельной воли, а от всех воль и всех энергий, с которыми текст встретится. Более того, «смысловое целое актуально не завершается ни в какой конечный отрезок времени (даже бахтинского “Большого времени”). Оно коренится в сверхвременном, вследствие чего только и возможно постоянное возобновление диалога текста с осмысливающими» (14, с. 110–111).

То, что книга в смысловом бытии текста является не только информационным каналом, но и смысловой перегородкой, не значит, конечно, что она в процессе осмысливания играет «отрицательную» в обыденном значении слова роль, но лишь то, что «в герменевтической ситуации она занимает место вполне определенное и нередко определяющее» (14, с. 112). Напрашивается мысль, что вообще книга и текст распространяются в существенно различных средах. Среда распространения книги – это совокупность изолированных индивидов, действующих согласно целям и ожиданиям, детерминированным обстоятельствами. «Вследствие такого – дискретного – характера этой среды издатель получает возможность рассчитать адресность и первоначальное действие выпускаемой в свет книги, а читатель – выбрать нужную ему книгу из наличного множества. Иными словами, среда распространения книги – это общество» (14, с. 114). Среда распространения текста – это скорее анонимное смысловое пространство, в котором смысловые волны различных текстов и различных осмысливающих, накладываясь друг на друга, создают «интерференционные картины», каждая из которых имеет шанс стать новым текстом, воплотиться в книге, породить новую смысловую волну и т.д.). Взятая во временном аспекте, «эта смысловая среда предстанет как становящееся смысловое целое смысловых целей. Для такой реальности трудно подобрать более подходящий термин, чем *культура*» (14, с. 114–115).

Ясно, однако, что это чисто теоретическое различие. Каждый член общества необходимым образом погружен в среду культуры (является осмысливающим). Более того, каждое прагматическое проявление текста в обществе необходимо есть следствие осмысливания, хотя бы весьма одностороннего и поверхностного. С другой стороны, текст наблюдаем (следовательно, доступен осмысливанию) лишь как оформленная вещь, допускающая прагмати-

ческое использование в обществе. «То, что в культуре является наслоением нестабильных смысловых волн, в обществе предстает как накопление “культурных богатств” – вещей, способных служить порождению потребных обществу смыслов» (14, с. 115).

Отсюда следует: *текст одноприроден, а книга – двуприродна*. Ведь текст не может перейти из культуры в общество без посредства материальных (внекомпьютерных) элементов. Книга же по самой идее своей составляется из элементов культурной природы (в первую очередь – самого текста), чтобы стать вещью и с этой новой природой войти в общество. Следовательно, текст в книге принадлежит и обществу, и культуре – является посредством ее подготовленным к осмыслинию и использованию. Но последняя суть дела состоит в том, что читатель вовсе не обязан принимать те (навязанные ему) параметры осмыслиния, которые предлагает книга. Ориентируясь в обществе и участвуя в культуре, он обладает возможностью переосмысливать сами условия своего осмыслиния. Иначе говоря, «поскольку текст есть текст живущий, предзаданность осмыслиния не может сохраняться. Перечитывание книги возвращает текст из общества в культуру – *текст осуществляет свою свободу в свободе читателя*» (14, с. 115).

Итак, книгу следует рассматривать не как продукт волеизъявления автора, хотя бы и «коллективного», но как материализованный результат взаимодействия энергий: исходящих от текста, ведущего себя как автономная целеполагающая система в культуре, и от издателя, т.е. деятеля (группы деятелей), вводящего текст в общество ради тех или иных собственных целей.

Все сказанное подводит к центральному и деликатнейшему пункту проблематики философии книги: «выделению специфически книжных параметров в смысловом бытии конкретного текста» (15, с. 117). Конец риторической эпохи отразился на отношении к книге с некоторым запозданием – начиная со второй трети XIX в. Именно тогда читатель стал воспринимать книгу так же, как стали понимать произведение и вообще все единичное: как нечто изначально замкнутое, целиком направленное к своему главному (в данном случае – к смыслу). Книга, пожалуй, еще остается частью интерьера, покуда стоит на полке или лежит на столе. Этим объясняются линии развития переплетного искусства – от ампира через неоготику к эклектике второй половины века. Но будучи читаема, она, как предполагается, целиком втягивает человека в свой мир:

читатель «уносится в мыслях» или «погружается в науку». Одним словом, смены эпох в искусстве книги выступают как перемены места феномена книги в материальном и смысловом мире человека. «Чем ближе к современности, тем смыслообразующие потенции книги выступают яснее. Но заложены они в самой ее природе» (14, с. 123).

Философия чтения

В своем эссе 1930 г. будущий нобелевский лауреат по литературе Герман Гессе настаивает на том, что «из многочисленных миров, не полученных человеком в дар от природы, а произведенных им самим из собственного духа, мир книг наибольший... Без слова, без письменности и без книг нет истории, нет понятия человечества. И пожелай кто-нибудь попытаться в небольшом пространстве, в одном-единственном доме или в одной-единственной комнате, разместить и изучить историю человеческого духа, он сможет это сделать лишь в форме библиотеки» (10, с. 132). У всех народов слово и письмо есть нечто священное и магическое; именование и написание – действия изначально магические, они – магическое овладевание природой посредством духа, и письмо повсюду превозносились как дар божественного происхождения.

Эссе немецкого писателя производит сильное впечатление в силу его актуальности в наше «переходное», в плане культурных трансформаций, время. Герман Гессе пишет, что с современной ему точки зрения книги перестали быть таинством, они доступны каждому. «С демократическо-либеральной точки зрения это – прогресс и само собой разумеется, но с других точек зрения это также обесценивание и вульгаризация духовности» (там же, с. 133). Не следует чрезмерно скорбеть о том, что из понятия «книга» выхолощено почти все его былое величие, что в последнее время благодаря кино и радиовещанию ценность и притягательность книги упала, кажется, даже в глазах толпы. Но все же нам вовсе не следует опасаться будущего искоренения книги, напротив: чем больше со временем будут удовлетворены определенные потребности масс в развлечении и образовании с помощью других изобретений, тем больше достоинства и авторитета вернет себе книга. «Ибо и до инфантильнейших, опьяненных прогрессом людей вскоре дойдет

факт, что функции письма и книги непреходящи. Станет очевидным, что выражение в слове и передача этого выражения посредством письма не только важнейшие вспомогательные, но и единственные средства вообще, благодаря которым человечество имеет историю и непрерывное сознание самого себя» (10, с. 133–134).

Укрупняя уровень анализа, необходимо отметить и настаивать на том, что законы духа изменяются столь же мало, как и законы природы, и столь же мало поддаются «упразднению». Можно упразднить священство и гильдии астрологов или лишить их привилегий. Знания и литература, бывшие до сих пор тайным достоянием и сокровищем, можно сделать доступными многим и даже вынудить этих многих хоть как-то овладеть ими. Это «происходит предельно поверхностно, и в мире духа на самом деле ничего не изменилось с тех пор, как Лютер перевел Библию, а Гутенберг изобрел печатный пресс. Вся магия книги не устранилась, как не устранился и дух таинства в иерархически организованной группе избранных, только эта группа теперь безымянна!» (10, с. 134–135). Г. Гессе отмечает, что уже несколько столетий как письмо и книга стали в Европе достоянием всех классов – подобно тому, как после упразднения сословных предписаний об одежде стала всеобщим достоянием мода. Только право диктовать моду, как и прежде, сохранилось за немногими, и платье, которое носит женщина красивая, хорошо сложенная и с хорошим вкусом, выглядит странным образом иначе, чем точно такое же платье на женщине обыкновенной. Кроме того, с процессом демократизации в области духа произошел очень курьезный и вводящий в заблуждение сдвиг: выскользнув из рук священников и ученых, руководство сместилось куда-то, где оно уже больше не может быть закреплено ни за кем, где оно уже не может быть больше узаконено и возведено к какому-нибудь авторитету. Ибо те носители духовности и письма, которые казались когда-то руководящими, потому что создавали общественное мнение или по меньшей мере выдвигали актуальный лозунг, более не тождественны носителям творческого начала. Для Г. Гессе очевидно, что «хотя духовность, кажется, и демократизировалась и что духовные сокровища времени, кажется, принадлежат всяческому современному, научившемуся читать, все важное совершается на самом деле втайне и безымянно, и кажется, что где-то во чреве земли скрываются жрецы или заговорщики, направляющие судьбы духа из анонимного подполья, и

своих глашатаев, снабженных властью и взрывною силой для многих поколений, шлют в мир под масками и без легитимаций, заботясь о том, чтобы общественное мнение, радующееся своей просвещенности, не заметило ничего магического, которое свершается прямо у него под носом» (10, с. 135). Г. Гессе настаивает, что история литературы и культуры показывает: Мы были очарованными свидетелями того, как единодушно, отверженный своим народом и для дюжины умов давно исполнивший свою миссию Ницше несколько десятилетий спустя превратился в любимого автора, тиражей которого все время не хватает, или как стихи Гёльдерлина более сотни лет после их создания внезапно опьянили учащуюся молодежь, или как через тысячелетия в древней сокровищнице китайской мудрости Европа послевоенных лет неожиданно обнаружила Лао-цзы, который, плохо переведенный и мало кем читаемый, «оказался модой, как Тарзан или фокстрот, но при этом сильно повлиял на живых, производительных носителей духовности» (10, с. 136).

Гессе формулирует свою позицию, возможно, и неполиткорректно, но прекрасно, глубоко и вдохновенно, и крайне актуально не только для радиотелевизионного, но и для нашего компьютерного времени. Ребенок, гордясь недавно приобретенным знанием букв, одолевает стихотворение или притчу, затем первый небольшой рассказ, первую сказку, но *неприванные* будут вскоре упражнять свои навыки чтения лишь на газетных и коммерческих новостях и лишь немногие останутся навсегда околдованы особой силой буквы и слова (ведь не случайно и то и другое было когда-то чудом и магическим заклинанием!). «Из этих немногих и выходят читатели... обнаруживая шаг за шагом, как велик, разнообразен и отраден этот мир! Поначалу казался он им детским палисадником с грядкой тюльпанов и небольшим озерцом с золотыми рыбками, но постепенно палисадник стал парком, ландшафтом, частью света, всем миром, Эдемом и Берегом Слоновой Кости и все манит и манит новыми чудесами, расцветает все новыми красками. И то, что вчера казалось палисадником, парком или девственным лесом, сегодня-завтра предстанет как храм с тысячью сводов, залов, придворий – как обитель духов всех времен и народов, духа, ждающего неоднократных пробуждений в готовности ощутить вновь и вновь многоголосое разнообразие форм как единство своего проявления» (10, с. 136).

Размышления немецкого теолога Д. Бонхёфера, написанные из нацистской тюрьмы в 1945 г., перекликаются с эссе Г. Грасса 1930 г.: «Главное – это расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества, главное – восстановить порядок на основе качества... С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио к книге, от спешки – к досугу и тишине, от рассеяния – к концентрации, от сенсации – к размышлению, от идеала виртуозности – к искусству, от снобизма – к скромности, от недостатка чувства меры – к умеренности. Качественные свойства спорят друг с другом, качественные – друг друга дополняют» (цит. по: 21, с. 33).

Книгу ничем нельзя заменить, как нельзя взять да и заменить чем-нибудь вторую сигнальную систему. «Ведь книга и есть развившая себя до совершенства вторая сигнальная система» (4, с. 6). Компьютер, информационно-компьютерные системы и сети освободят человека от рутинных работ и занятий и увеличат время для воспроизведения себя как полноценного субъекта общественной деятельности, что испокон века зиждется на книге, на книжном обучении быть таковым.

Валерий Павлович Леонов, директор библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге, продолжающий «духовную» линию русской философии библиографии Михаила Николаевича Куфаева, настаивает на том, что, возникнув, книга создавала свой дух. Но в ней продолжало жить то, чем и какой она была прежде, в ней было возможно рассмотреть тех, кто формировал ее сущность. «Можно сказать, что в центре книги – жизнь. То, что в биологии называют жизнью, вне ее зовется смыслом» (24, с. 8). Он позиционирует взгляд на окружающий мир, на окружающее пространство из своего мира, каким «является мир книжной культуры, мир библиотеки, мир библиографии. И если речь идет о философии, культуре, искусстве, я всегда смотрю на них как профессионал- книжник, как библиотекарь-библиограф» (21, с. 11).

В связи с вопросами о будущем библиографии следует ответить, что библиограф пользуется всем, чтобы познать прошлое и не претендует на изобретение новой коммуникации. Его настоящим делом является «ремонт старых кораблей»... «Странная вещь: книжный мир, который мы создали и в котором мы живем, многим оказывается ненужным. В процессе освоения современных технологий личность и ее прошлое медленно вытесняются из памяти.

Библиотечное пространство, оказывается, заполнено не только нужными читателям книгами, но и информационным мусором, причем в огромном количестве; возникла псевдолитература; ориентироваться в таком потоке бессмысленно, это пустая трата времени» (21, с. 12).

Неоднократно обращаясь к прошлому, нельзя удержаться, чтобы в который раз не задать себе постоянно мучащий вопрос: как получается, что люди, жившие в разное время, не знавшие друг друга, высказывают очень сходные мысли, и строй их мышления удивительным образом пересекается? В поисках ответа на этот вопрос В.П. Леонов находит в литературе понятие, которое помогает приблизиться к его пониманию. Оно звучит так: принцип «неконтактного резонанса». Видимо, неконтактный резонанс «порождает некую духовную силу образов, которая позволяет преодолеть расстояние между различными эпохами культуры. За неконтактным резонансом скрывается самое главное: встреча, моя встреча с кем-то или с чем-то, кто существует столь же явно, как я. Это изначальное равенство является ключом к пониманию происходящего. Другой мир и я, мир книги и я. Мир искусства, музыки и я. Я проникаю в этот другой мир и растворяюсь в нем, вместо тишины слышу Слово» (21, с. 36). Чтение, направленное на постижение смысла, есть акт понимания, поскольку автор обращается к читателю и приглашает его к диалогу.

Что касается судьбы книги, то, к сожалению, в современной научной картине мира ее присутствие незаметно. О ней говорят вскользь, мимоходом, воспринимая ее как артефакт прошлого. От этого проблема не перестает быть актуальной, хотя многие ученые и общественные деятели, выросшие на традиционной библиотечной и информационной культуре, еще не противопоставили новому мифу свою оценку происходящих перемен, свое видение будущего, «в котором сложная, противоречивая, порой трагическая, но великая история книжной мысли предстала бы как одна из значительных страниц отечественной истории» (21, с. 78). Сегодня книжная культура столкнулась с самым, может быть, сильным за всю историю вызовом. Он совпал с общим материальным и духовным кризисом, резко надломившим национальное самосознание. Усилился раскол между глубинными ценностями отечественной культуры и реальностью, обозначившей новый этап истории. «Я пишу это для того, чтобы еще раз подчеркнуть: нам, посвятившим

свою жизнь служению книге, брошен вызов, на который надо ответить. Отвечая, следует, не отменяя старые теоретические подходы, а развивая их, учитывать традиции российского и советского прошлого. Иначе мы можем оказаться в ситуации полного забвения целой научной эпохи, которая для некоторых молодых книгохранилищ, библиографов и библиотекарей уже кажется “белым пятном” в отечественной истории» (21, с. 69).

В биологии и психологии книга как запрограммированная структура в психике человека означает возникновение информации, а выявление ее осуществляется в процессе развития человека в зависимости от цели и по определенным правилам. «Я исхожу из того, что книжная культура – это достигнутый и воплощенный уровень адаптации человеческой культуры в процессах книжного дела» (21, с. 81).

Книга – что это? Это случайность в мире или необходимый элемент Универсума? Возникла ли она, как и человек, «случайно» или у человека и книги есть специальное предназначение, предусмотренное законами Вселенной? Если положительно ответить на первую часть вопроса, т.е. «случайно», то и человек, и его постоянный спутник книга являются только пассивными наблюдателями внешнего мира. Тогда судьба книги непредсказуема, ее легко повернуть в любую сторону, и человек примет это как неизбежное. А если нет? «Если человек и книга – неотъемлемая часть Вселенной? Тогда это должно означать, что они порождены ею. Как и все другое на Земле. Значит, они могут и обязаны влиять на процессы, протекающие во Вселенной? Человек и книга, как это странно ни прозвучит, представляют собой космические субъекты. Книга как космический субъект! Следовательно, она бессмертна!» (21, с. 110).

Значит, «человек есть единственное существо на Земле, которое изобрело общественные хранилища информации, аккумулируемые вне его мозга, – книги и библиотеки, – преодолев тем самым ограниченные антропометрические параметры собственного индивидуального сознания» (21, с. 113). В своей книге «Космос» известный американский физик Карл Саган пишет: «Когда наши гены не смогли вместить всю информацию, необходимую для выживания, мы постепенно изобрели мозг. Но потом – предположительно около десяти тысяч лет назад – пришло время, когда нам понадобилось знать больше, чем мог без труда вместить наш разум. Поэтому мы научились запасать огромное количество инфор-

мации вне нашего тела» (цит. по: 21, с. 113). Позволю себе нетривиальное предположение: я допускаю, что в психику человека изначально заложена некая схема книги, в которой уже отражены законы природы... если книга есть космический субъект, то какова ее миссия во Вселенной? Думаю, что влиять на сознание человека, способствовать дальнейшему развитию его мышления.

Итак, если мы хотим включить книгу в процессы мироздания, надо стремиться к построению таких концепций, в которых и человек, и книга выступили бы как проявления некоторой единой конструкции. За пределами книжного мира («третьего мира», по К. Попперу), где обитают знания без субъекта знания, мы получим не абсолютно пустое пространство – мы получим Хаос. Значит, книги – это какая-то сила? Значит, книги своим воздействием, своим присутствием создают Вселенную знания. В «третьем мире» встречаются пустынны места. Они отделяют нас друг от друга. Но это пустыня, которая может быть покрыта знаниями, она не Хаос. Как это ни покажется странным, но края у мира знаний нет. В том смысле, в котором мы привыкли представлять себе край. «Мир знаний, Универсум знаний, Вселенная знаний, следуя законам физики, постепенно и непрерывно расширяется. Космос есть порядок. Хаос – беспорядок. Создавая в Космосе равновесие и гармонию, книги противостоят Хаосу!» Что же такое книга? Драгоценный дар природы, дар Вселенной или книга возникла из практической необходимости запечатлеть сделанное или открытое человеком? И как, с какой целью этот дар Вселенной может быть использован человеком? Во благо его развития и выполнения предписанной ему космической миссии или вопреки? Очень непростой вопрос. Для В.П. Леонова «книга как космический субъект – это книжное подтверждение учения К. Бэра, В.И. Вернадского и других об эволюции происхождения человека» (21, с. 126). Методологически одна из причин отсутствия в последнее время конструктивных книговедческих и библиографических теорий видится в следующем. Современные исследователи работают не с библиографическими и книгоиздательскими идеями, а с научными понятиями и терминами (такими как «система», «деятельность», «моделирование», «документ» и т.д.). По этому пути в направлениях поиска соответствующих теорий движется большинство ученых. В результате создаются понятийные концепции науки. В библиографии, например, их уже около 400. Такой подход построения научной теории изначально обречен на

неудачу. Книговедение может успешно развиваться в том случае, если опирается на книговедческие теории и книговедческие понятия. Теория не может строиться только на основе научных терминов, хотя и обязана их использовать. К понятийному аппарату нельзя относиться так, как будто он существует реально. Другими словами, «исследуя научные понятия, даже если они и описывают книговедческие или библиографические явления, невозможно продвинуться к построению конструктивной теории» (21, с. 128).

Итоги и основные идеи «теории книжного мира» В.П. Леонова можно сформулировать следующим образом.

1. Книга есть космический субъект. 2. Мир книг (знаний) существует объективно в пространстве и во времени; он постоянно пополняется. 3. Книжному миру противостоит Хаос (книжный мир окружен Хаосом). 4. Библиография представляет собой путеводитель по миру знаний. 5. Библиографическое разыскание и отбор – основной метод получения нового (свернутого) знания в книжном мире (21, с. 129).

Ю.П. Мелентьева аргументирует необходимость разработки общей теории чтения прежде всего «его признанной социальной и культурной значимостью, а также личнообразующей функцией, проявляющейся в процессах воспитания, профессионализации, самовоспитания, на всех этапах социализации личности в целом» (23, с. 7). Разработку теории чтения затрудняют следующие его особенности: эфемерность, сложноуловимость чтения, по сравнению, например, с письменностью. Цитируя Мишеля Керто по монографии «История чтения на Западе» (62), она отмечает: «Письменность все собирает, хранит, противостоя времени и создавая новую реальность, и преумножая свою добычу, тиражируя свои достижения и захватывая все большие территории. Чтение ничем не защищено от разрушительного воздействия времени, свои приобретения оно хранит плохо или не хранит вовсе, и все, по чему оно проходит, есть повторение потерянного Рая» (23, с. 8). При этом прочное «вплетение» понятия чтения в такие структуры, как книга, библиотека – затрудняет вычленение знания непосредственно о чтении из информации об этих структурах. Чтение – это, по сути, функция книги, каждая книга написана для того, чтобы ее прочли. «Вплетение» чтения в такие процессы, как обучение, воспитание, социализация, профессионализация делает сложным вычленение именно его роли, понимание его реального значения при

изучении результатов этих процессов. Анализ осложняет интимный характер чтения, понимание которого требует всестороннего изучения не только текста, но и его автора и читающего (читателя), т.е. всех участников процесса.

Хотя в основе процесса чтения лежит четкий принцип: чтение – это распознавание знаков, восприятие текста, однако эта основа достаточна только для механического чтения. «Глубокое, т.е. творческое, чтение предполагает включение всего психофизиологического аппарата личности читателя» (23, с. 11). В этом и заключается основная трудность понимания чтения не только как деятельности, в основе которой лежит распознавание текста, но и как «индивидуальной творческой деятельности, имеющей также и определенную социальную подоплеку, поскольку чтение, как правило, не самоцель, а средство достижения какой-либо более или менее социально обусловленной цели» (23, с. 11). Интерес к проблемам чтения проявляют философы, антропологи, физиологи, медики, которые, изучая эволюцию чтения во времени и пространстве, приходят к выводу о том, что чтение не является неизменной антропологической величиной, т.е. «люди не всегда читали одинаково, в разные исторические периоды они использовали различные модели, практики, а также модификации чтения» (23, с. 14). Говоря обобщенно, можно выделить три основные концепции, рассматривающие сущность чтения: 1) в познании Бога (Божественной сущности); 2) в познании мира и места в нем человека; 3) в познании человеком самого себя. Корни всех этих концепций уходят в глубокую древность, где переплетаются так тесно, что их трудно отдельить друг от друга. Все эти концепции существовали (и существуют) параллельно, преобладая в тот или иной период развития цивилизации. Каждая из этих концепций постоянно развивалась, находя все новые доказательства верности своего понимания сущности чтения.

В классической восточной традиции «понимание сущности чтения как способа познания Бога предполагало, во-первых, что чтение есть способ приобщения к священным текстам, а во-вторых – способ усвоения религиозных и нравственных ценностей» (24, с. 33). В европейской культуре понимание сущности чтения как способа познания Бога, как причащения к божественному смыслу, получило особое развитие в период Средневековья. Поскольку «познание Бога» предполагало не только чтение текста, но и сле-

дование «Законам Божиим», то чтение рассматривалось и как способ приобретения добродетели, нравственных качеств, украшающих душу, и как способ постижения Истины. «На этой основе формируется этический подход к чтению как к нравственному занятию, способствующему духовному совершенствованию, религиозному воспитанию» (24, с. 33). Однако уже в этот период намечается новая тенденция десакрализации чтения, которая существенно усилилась с появлением первых университетов в Европе. Формируется так называемое «критическое» (или «дерзкое») чтение. Его суть заключается в том, чтобы не принимать на веру написанное, т.е. учиться критически относиться к тексту: отличать софизмы от истинных доказательств; не бояться исправить неверный перевод. В основе понимания сущности чтения эпохи Возрождения лежала античная традиция, когда, в ситуации культа человека и личности, чтение рассматривалось как коммуникация, как возможность приобщения к мудрости великих предшественников как к источнику знания. «Это была основа возникновения новой концепции понимания сущности чтения – как средства познания мира и места в нем человека» (24, с. 34). Чтение встраивается в научное познание мира, в процесс светского (сначала – гуманитарного, а затем и технического) образования, обучения. Этому способствует рост числа университетов в Европе. При этом появление печатной книги и развитие книгоиздания обострило проблему выбора книги для чтения. В этот период сущность чтения видится, прежде всего, в помощи разуму, понимаемой весьма широко, осознается социальная и педагогическая составляющие сущности чтения. «Новое время, с его рационализмом и прагматичностью, подчеркивает как необходимое качество чтения – его пользу, трактуя ее, прежде всего, как возможность избавления от невежества» (24, с. 35).

«Можно утверждать, что понимание сущности чтения как средства познания мира и места в нем человека было превалирующим в течение долгого исторического времени и остается им до сих пор, когда и понятие “мир” и понятие “познание” чрезвычайно усложнились, углубились и расширились» (24, с. 35). Однако в противовес этому сугубо рациональному пониманию сущности чтения с XVIII в. набирает силу понимание сущности чтения как индивидуального творческого акта. Истоки такого понимания перекликаются с древними (античными и восточными) представлениями о чтении как о способе самосовершенствования личности,

как об этико-духовной коммуникации. Опираясь на эти представления, И. Кант видит сущность чтения в содействии развитию внутренней духовной культуры человека. Согласно общей концепции познания и деятельности И. Канта, «чтение – свободный творческий акт, в котором происходит сложнейший синтез чувственного и рационального с помощью силы воображения, понимания, осмыслиения, имеющий, безусловно, характер не пассивного, а творческого отражения текста. В центр чтения И. Кант ставит читателя, видя в створчестве читателя необходимый элемент чтения. Читатель, читая, не отражает мир, но творит его» (24, с. 36). Глубинная сущность чтения связывается И. Кантом с тем, что чтение нельзя рассматривать как акт полного сознания; с тем, что все внешне наблюдаемые формы чтения – лишь слабые проявления его экзистенциальной глубины; с тем, что как свободный творческий индивидуальный акт, чтение ставит не обязательно практические цели. В течение XX в. очевидно некое сосуществование двух основных концепций понимания сущности чтения: как социально обусловленного и рационального в своей сути и как глубоко индивидуального, творческого, экзистенциального.

В одной из последних работ А.В. Соколов как «гуманист-книжник» не сомневается в том, что книжная коммуникация сохранится в грядущем информационном обществе, а чтение будет оставаться любимым занятием человека информационной культуры, поскольку он уверен, что «книга – вечный и неизменный спутник человечества, что наши потомки, живущие в информационном или в каком-либо другом постиндустриальном обществе, будут писать, печатать и покупать книги, будут преподносить друг другу подарочные издания и сохранять в своих просторных квартирах завещанную дедушкой семейную библиотеку» (33, с. 11). Однако исследователя смущает неоднозначность понятия «информационное общество» и неопределенность его социальной структуры. То ли это «общество книжечеев», для которых всякая книга – источник информации, то ли это общество любителей книжной продукции в оцифрованном формате, то ли это общество виртуальной книжности? При этом презумпция, что информационное общество (оно же – общество знания) будет глобальным, просвещенным, демократичным и гуманным, где каждому человеку будет открыт доступ к любым информационным ресурсам и предоставлены все возможности для творческой самореализации, культурного разви-

тия, приобщения к общечеловеческим и национальным ценностям культуры, – все это представляется прекраснодушным идеалом, далеким от социально-экономических реалий.

Знакомство с литературой показывает, что соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна» понимается по-разному. Российские законодательные и политические новации с 1995 г., многочисленные концепции, стратегии, хартии единогласно обещают нам «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники...» При этом ни в одном официальном документе, ни в одной концепции, стратегии или целевой программе, нацеленной на построение в России информационного общества, нет слов «книга» или «чтение». Напрашивается безрадостный вывод: наши государственные мужи представляют будущее российское общество как общество нечитающее и бескнижное. Не случайно же у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры» (33, с. 13). В отличие от невозмутимых интеллектуалов-технократов, упорно из года в год планирующих информатизацию всей страны, наши интеллигенты-книжники бьют тревогу, устно и письменно взывают к государственной мудрости. «Национальная программа поддержки и развития чтения» (разработана Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества) связывает достижение стратегических целей развития страны с необходимостью «вызвать у подрастающего поколения интерес к чтению и вернуть в ранг активных читателей многочисленные группы сравнительно образованных россиян, которые определяют настоящее России, закладывают основы ее будущего и которые по разным причинам перестали читать за последние 20 лет» (33, с. 14). Приходится констатировать, что упомянутые официальные программы построения информационного общества в России – продукт мифологического мышления. Важно иметь в виду, что миф – это не сказка и не ложь, а синтез правды и вымысла, скрепленный наивной верой. Гипотетическое информационное общество не вымысел, потому что налицо необыкновенный прогресс информацион-

ных технологий и информационной техники, и вместе с тем явно неправдоподобны обещания каждому человеку обеспечить свободный доступ к глобальным информационным ресурсам и неограниченные возможности для творческой самореализации. Чтобы удостовериться в последнем, достаточно обратиться к Хартии глобального информационного общества, принятой Большой восьмеркой в 2000 г. на Окинаве. Хартия провозглашает, что «частный сектор играет жизненно важную роль в разработке информационных и коммуникационных сетей в информационном обществе», что «центральной остается роль частного сектора в продвижении ИТ в развивающихся странах». Выходит, что Большая восьмерка надеется на добрую волю и благотворительный порыв транснациональных корпораций в реализации гуманистического информационного общества. «Несбыточная мечта. Очевидно, что капиталистические производители информационных продуктов не будут альтруистически предоставлять свои услуги и товары себе в убыток, а с благодарностью используют Хартию в качестве неотразимой рекламы» (33, с. 15). Достаточно реальным выглядит пессимистический прогноз: значительная часть граждан информационного общества откажется от чтения книг, довольствуясь ресурсами электронной коммуникации. Резонно сделать вывод, что чтение в информационном обществе будет не однородным, а сложно структурированным процессом, поскольку предсказанный учеными-футурологами социально-культурный раскол неизбежно будет сопровождаться читательским расколом и расколом книжного рынка. «Вырисовываются два полюса грядущего мира читателей: замкнутый регион элитарного, в том числе обязательного детского чтения, и размытое гетто массового развлекательно-досугового чтения» (33, с. 18).

Чтение – это, прежде всего, включение нового знания в контекст уже имеющегося у субъекта опыта, т.е. понимание является объединенным продуктом входной информации и предыдущего знания. Предыдущие знания считаются «семантическими предусловиями понимания». Таким образом, чтением является не всякое распознавание знаков, а только то, которое ведет к осмыслиению нового, к духовной активности, содержательной креативности осваивающего текст индивидуального сознания. Чтение представляет возможность именно живого, раскрепощенного, действенного обновления субъектом своих знаний, своего социального образа

через интериоризацию содержания текста. Причем здесь не может быть однозначной нормативной заданности, абсолютной информационной новизны, поскольку многое зависит от индивидуальной перспективы *виде*дения.

Понимание возможно, если исполненная в процессе чтения интенция совпадает с интенцией написанного слова или предложения. Условием возможности такого совпадения является требование интерсубъективности, согласно которому текст и читатель должны говорить «на одном» языке как в прямом, так и в переносном смысле. В процессе чтения постоянно происходит смещение и совмещение «горизонтов понимания», заложенных в тексте и имеющихся у читателя. «Читатель является, в известном смысле, «ко-автором» литературного произведения, поскольку «проектирует» предмет посредством своей творческой фантазии» (34, с. 286). Таким образом, **эпистемологическая парадигма жестко постулирует различие между чтением и распознаванием знаков**. У них есть лишь небольшая пересекающаяся область технологии, процедуры знакового, символного распознавания. В большинстве же случаев это совершенно различные по структуре и содержанию процессы интериоризации. В случае распознавания это мнемоническое, репродуктивное восстановление уже известного, при чтении же – креативное «достраивание», приращение личности. Из чего следует, что в чтении всегда есть эффект сверхпонимания, т.е. таких процессов развития личности, которые заведомо не подразумевались автором текста или корреспондентом. Преимущество этой парадигмы в том, что «с позиций ее последователей чтение перестает быть пассивным и категорически связывается с пониманием и созданием нового, тем самым становясь одной из характеристик творческой личности. Необходимо отметить, что популярность этой парадигмы весьма высока, так как она активно используется в таких научных направлениях, как: онтопсихология, социосемиопсихология, эвристика» (34, с. 286).

Феномен чтения относится к фундаментальным достижениям человеческого разума, его особая роль в развитии цивилизации в целом и любого современного общества неоспорима. Но на исходе XX в., когда многие страны вступают в эпоху информационного общества, фиксируется «новая глобальная проблема – все острее ощущается кризис читательской культуры, снижение читательской активности, сокращение времени, уделяемого чтению» (35, с. 7).

Истоки имеющихся проблем с чтением лежат несколько в иной плоскости, чем простая конкуренция со стороны новых электронных каналов и средств коммуникации, развития медиатехнологий. Проблему читательской культуры можно поставить в один ряд с такими «вечными» социальными проблемами, как проблема «отцов и детей», поскольку к ней обращались мыслители всех времен, качество репертуара чтения волновало еще античных философов. Так, Сенека, наставляя своего друга Луцилия, говорил о том, что «дело не в том, чтобы книг было много, а в том, чтобы они были хорошие», а Петрарка в XIV в. делал укор «погрязшей в лени эпохе, заботящейся о кухне и безразличной к наукам». Проблемы дисбаланса между декларируемой и реализуемой ценностью читательской деятельности укоренены, по мнению Н.А. Стефановской, «в глубинном противоречии, противостоянии личности с ее индивидуальным духовным миром и социума с его тенденцией к омасовлению, расширению меры управляемости индивидом, нивелированию личностных проявлений» (35, с. 7).

«Для нашего исследования особенно важны именно духовные стороны и аспекты коммуникации (общения, диалога), представляющие человека в его целостности, что неизбежно обращает нас к философским трактовкам чтения» (35, с. 11). Анализ феномена чтения проводится исследователями с учетом трех основных составляющих (условий его осуществления): автора, книги или текста, читателя. В Древней Индии чтение представлялось как во многом медитативная практика умозрения, трансформирующая человеческое сознание и выводящая его по ту сторону различий, значимых для обыденного мышления. В дальнейшем в буддизме прослеживается включение проблематики чтения непосредственно в практику индивидуального движения к духовности, самосовершенствования, оно связывается с избавлением от невежества, одного из «трех ядов», отравляющих разум. В буддизме, по мнению исследователя, впервые достаточно отчетливо прослеживается «идея чтения как духовной коммуникации со своим истинным Я, т.е. автокоммуникации. Такая коммуникация не достигается рациональными средствами. Истина не передается только на слух или посредством чтения священных текстов, она должна передаваться от сознания к сознанию, интуитивно» (35, с. 16).

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что «в рамках древнейших восточных социумов и философ-

ских концепций складывалась социальная модель чтения как элитной сакрально-медитативной практики духовного самосовершенствования, доступной лишь ограниченному кругу лиц» (35, с. 20). Античность вводит различие ума и знания, на основе этого различия лучше понимается декларируемое негативное отношение к чтению и письменности в концепции Платона (о том, что обучение – это воспоминание душой знаний, которые у нее уже были, но забыты в момент рождения). Таким образом, «в античности сформировалась креативно-репродуктивная модель чтения как диахронической коммуникации с прошлыми поколениями» (35, с. 23). Если для Античности записанное слово было только суррогатом устного слова, живой и свободной речи, а понятие книги как средоточие текстов священных (и с точки зрения творения мира – парадигмальных) относилось в первую очередь к Востоку, то Средневековью уже было свойственно понимание книги как образца, авторитета и смыслового центра мира, зафиксированного в Священном Писании. «Понятие книги, как образа мира, парадигмы реальности, где сходятся начала божественные и человеческие, связано с рождением мировых религиозно-философских систем, в частности христианства» (35, с. 25). В Средневековье наступает невиданный ранее в античном мире расцвет книжной культуры. В качестве главной цели чтения в средневековой культуре провозглашается постижение, раскрытие тайного смысла богооткровенной истины, заложенной в тексте. Чтение рассматривается как практика приобщения к воплощенному божественному Слову. Таким образом, «в средневековой европейской культуре становится доминирующей экзегетическая модель смыслопостигающего чтения сакральных текстов» (35, с. 27).

В Средневековье проблематика слова и чтения рассматривается преимущественно через призму обнаружения способов со-причастности земного и горного миров. Одним из аспектов такого анализа становится проблема универсалий – поскольку Слово лежало в основании творения. В Средневековье «Слово было наивысшей реальностью в силу его существования в двух модусах, его двойного преображения: воплощения Божественного слова и разноплодия при направленности слова от человека к Богу» (35, с. 30). Богооткровенность истины в Священном Писании предполагала необходимость его комментария как речевой встречи смыслов Божественного откровения и человеческого постижения.

В речевом диалоге, принявшем форму диспута, была создана возможность формирования такой диалектики, понятия которой одновременно направлялись на сакральное и мирское, «образуя особый способ познания как соприкосновения вечного и временного. Философствование осуществляется в момент чтения авторитетного текста или в момент его комментирования, т.е. оно всегда в настоящем» (35, с. 30).

С самого начала распространения читательской практики книжное чтение стало распределяться между двумя полюсами: хозяйствственно-бытовое чтение, предполагающее наличие элементарных навыков и уровня грамотности и использования текстов в бытовых утилитарных целях, и духовно-возвышающее, которое и считалось собственно чтением, выступающее статусной характеристикой элитных слоев общества. В течение всего рассмотренного периода до эпохи Возрождения «доминирует этический подход к чтению, оно культивируется как философско-этическая практика, нравственное занятие, возвышающее ум и душу, постижение нравственных добродетелей, заранее заданной религиозно-этической точки зрения» (35, с. 36). Эпоха Возрождения, с ее акцентом на возможностях отдельного индивида, формирует совершенно иное отношение к чтению. Гуманизм, ставший центральной идеей эпохи, был направлен на реализацию потенциала светской образованности и рационализма, открывающих путь к научному знанию. Здесь акцент смещается с приобщения к «богооткровенной» истине на раскрытие возможностей самого человека, его личностное развитие. Далее «появление книгопечатания привело к включению чтения в экономическую систему, в капиталистическое производство и превращение книги в товар, поскольку издательское дело изначально развивается как одно из направлений бизнеса» (35, с. 37).

Идея гуманизма эпохи Возрождения представляла собой культурную и педагогическую программу, связанную с обращением к светской образованности, к дисциплинам, находящимся вне рамок схоластической учености (риторике, теории поэзии, истории и др.). В более широком смысле – это новый способ мышления, связанный с изменением взгляда на место человека в мире, на границы и возможности его активности в сфере науки, искусства, морали, политической жизни. Возникает новая проблема, связанная как с духовным настроением эпохи, так и с развитием книгопечатания – всплеск писательской активности, своеобразная «мода» на

писательство, «следствием чего стало обилие книг при снижении качества их содержания, стали актуальными проблемы фальсификации авторства и plagiarisma» (35, с. 38). Для человека эпохи Возрождения чтение становится в первую очередь средством познания, средством раскрытия личностного потенциала. Наиболее детально проблематика чтения в этот период представлена в работах М. Монтеня. Цель чтения, по М. Монтеню, – познание не событий, а внутреннего мира человека, его души, таким образом, «модель чтения эпохи Возрождения может быть представлена как индивидуализированная интеллектуально-духовная диахроническая коммуникация» (35, с. 40).

В рамках рационалистической традиции чтение является средством получения знания (для Ф. Бэкона). В просветительской социально-рациональной модели чтения его экзистенциальные аспекты, акцентирующие меру субъектности, индивидуализированности читательской деятельности, выражены довольно слабо. В XVIII в. продолжает развиваться линия индивидуалистических моделей чтения. Идеалистическая система И. Канта ставит в центр изучения познающего субъекта – человека, и чтение здесь предстает как сфера свободы человека. В целом, в XV–XVIII вв. отношение к чтению меняется. В эпоху Ренессанса происходит дифференциация сакрального и светского отношения к чтению. В центр различных социальных моделей чтения выдвигаются их субъективно-индивидуалистические компоненты. Начинают интенсивно формироваться эгалитаристские тенденции в чтении. Этическое отношение к чтению сменяется в эпоху Возрождения эстетическим, гедонистическим, а в эпоху Просвещения практически-рациональным.

Социальные модели чтения в XIX – начале XX в. констатируют, что «книжная сфера, еще недавно бывшая гарантом сохранения духовной культуры, все более превращается в сферу потребительства и бездуховности» (35, с. 67). В России этого периода «культ книжной культуры оформился в особую модель чтения, возникшую в противовес европейским социально-рациональным моделям эпохи Просвещения, – модель духовно-национального чтения, отраженную в трудах славянофилов, сторонников “русской идеи”, евразийцев» (35, с. 75). В то же время своеобразный противовес потребительским моделям составили иррациональные модели чтения, в основе которых – постулат об иррациональных

основаниях человеческого поведения. Таким образом, XIX–XX вв. характеризуются возникновением и сосуществованием множества социальных моделей чтения, обусловленных значительным расширением читательской аудитории за счет массового производства книжной продукции, распространением чтения не только как владения техническими навыками распознавания букв и текста, а как особой духовной деятельности, во всех слоях населения. Во многих из этих моделей «все отчетливее проявляются экзистенциальные аспекты – создание особого временно-□го измерения в чтении, интенциональная направленность чтения (на познание Другого или самопознание), возможность понимания через попытки идентификации и “вживания” в Другого, выраженного в тексте» (35, с. 89).

Н.А. Стефановская анализирует шесть современных парадигм социально-философского анализа чтения. В парадигме «панидеографического распознавания» постулируется, что «чтение – это любое распознавание знаков, символов, сигналов, в том числе и животными» (35, с. 92). Достоинством подхода является достаточно глубокая и детальная разработка технологических аспектов чтения, обоснование факторов, стимулов, условий, формирующих и активизирующих стереотипные программы и навыки обучения чтению. Недостатком же является значительное упрощение столь сложного духовного явления, как чтение, сведение его к врожденным матрицам и простейшей линейной схеме «стимул – реакция». В «макросоциальной» парадигме обосновывается, что чтение изначально формировалось как социальный институт. Оно возникло как соединение человеческой тяги к пониманию и передаче знаний, умений и навыков членам сообщества и письменной речи. Чтение здесь выступает, прежде всего, как государственная культурообразующая практика в качестве оборотной стороны письма и как «инструментальный» компонент утилитарно ориентированной деятельности, достоинством можно считать снятие неопределенности, связанной с биологическим механизмом происхождения чтения. Недостаток же заключается в том, что эта парадигма «дает весьма ограниченные возможности к описанию индивидуальных аспектов процесса чтения, формирует представление о человеке как пассивном реципиенте, обучаемом социумом, а не как активном субъекте чтения» (35, с. 105–106).

«Эпистемологическая» парадигма чтения утверждает, что «чтением является не всякое распознавание знаков, а только то,

которое ведет к необходимости осмыслиения чего-то нового, к карнавализации (духовной активности, содержательной креативности осваивающего текст индивидуального сознания)» (35, с. 107). Таким образом, эпистемологическая парадигма жестко постулирует различие между чтением и распознаванием знаков. Чтение перестает быть пассивным и категорически связывается с пониманием и созданием нового, тем самым становясь одной из характеристик творческой личности. При этом сохраняется неопределенность, невозможность «точно определить, что творческий акт был спровоцирован непосредственно и только чтением» (35, с. 115).

Четвертая выделенная парадигма – «постмодернистская»; ее достоинством представляется то, что она дает довольно редкую возможность включить в изучение чтения уникальность, единичность отдельного читателя. Ее недостаток состоит в том, что «в постмодернистской перспективе теряются качественные особенности собственно чтения, размываются его границы, оно превращается в абстрактную характеристику психики, маркирующую не только дистантный контакт, но и другие феномены духовной жизни. Недостатком можно считать и то, что постмодернизм, манифестируя познавательный релятивизм, вообще отказывается от постановки вопроса о природе чтения, о выделении его изначальной стабильной сущности» (35, с. 121). Истоки пятой парадигмы, «экспериментальной», находятся во фрейдизме, с позиций которого чтение может быть представлено как постоянный тренинг границы Эго, попытка раздвижения этой границы в сторону проникновения в бессознательное. Главным достоинством парадигмы можно считать возможность непредвзятого описания конкретных результатов чтения, в то же время возникают «заметные трудности анализа именно каузальных, детерминистских связей формирования мотивации к чтению» (35, с. 130).

Шестая парадигма – «экзистенциальная», ее фундамент «составляет кьеркегоровское понятие экзистенции, как специфически человеческого способа существования в мире» (35, с. 132). Она акцентирует внимание на том, что в чтении возникает иная, отличная от объективного времени, временная перспектива, в которой будущее дополняется настоящим и прошлым. Несомненным недостатком этой методологии является сложность согласования с оформленвшимися педагогическими стереотипами в системе образования.

Н.А. Стефановская констатирует принципиальные методологические трудности моделирования единой универсальной концепции чтения. Описанная в традициях различных парадигм проблематика человеческого чтения заведомо включает плохо совместимые, зачастую диаметрально противоположные полюса анализа. Исследователям зачастую удается поместить в фокус анализа только один из множества модусов чтения: биологический, антропологический, семиотический, психологический, социальный и др., хотя наличие всех этих аспектов в диалектике чтения представляется очевидным большинству исследователей. Исходя из этого, претендующая на тотальность единая концепция, представляющая чтение как целостный феномен, должна непротиворечиво одновременно характеризовать его и как чисто физиологический перцептивный феномен, и как базовую характеристику социума, и как форму человеческой духовности. «Формирование такой интегральной концепции на данном этапе развития научного знания маловероятно, поскольку специализированной методологии гуманитарных наук, по своей разработанности, значительности, значимости сопоставимой с методологией наук естественных... до сих пор не сложилось» (35, с. 147). Методологически нерешенным остается и вопрос об определении внешних границ чтения, его предметной обособленности от других близких явлений, даже если оно трактуется сугубо как макросоциальный феномен.

Еще со времен П.А. Флоренского известна идея «аритмологии», прерывного развития процессов, имеющего своеобразные точки бифуркации, «повышающего» или «понижающего» фазового перехода, неуловимой и быстрой смены качества явления. Современная синергетическая парадигма, развивая эти идеи, исходит из того, что «спонтанный выбор нового состояния характеризуется принципиальной неопределенностью – невозможно предсказать направление дальнейшего развития системы даже при известном изменении параметров. **Чтение вполне правомерно отнести к подобным нелинейным вероятностным, прерывным процессам**» (35, с. 151).

При формировании теоретической модели чтения позиции Н.А. Стефановской определялись следующими исходными методологическими посылками.

1. Приоритет материалистической позиции в изучении чтения: чтение обусловливается сложным ансамблем причин и факторов,

среди которых общественное бытие, «производство и воспроизведение действительной жизни» выступает не единственным, но конечным определяющим моментом этого духовного формообразования.

2. Вторичность макропроцессов для интерпретации природы чтения. Общество и его социальные институты выступают лишь организующим (развивающим или подавляющим) началом, внешней оболочкой, а не генетической основой чтения, т.е. «чтение – феномен, прежде всего, духовной жизни отдельной личности» (35, с. 153). Хотя макропроцессы важны для чтения, но не приоритетны, поэтому чтение служит чутким, надежным и, возможно, универсальным индикатором состояния общества и, в том числе, показателем отношения власти к культуре.

3. Социальная история чтения может быть представлена как история различных форм борьбы просвещенности (атрибутивной характеристикой которой является чтение) и невежества.

4. Чтение следует рассматривать как один из видов собственно коммуникации, общения.

Коммуникативность выделяется как генерирующая характеристика чтения. Из духовно-коммуникативной природы чтения возникает и его следующая существенная характеристика – эмпатийность. Чтение не является простой предметной деятельностью, которая описывается фразой «Я читаю книгу». «Его обязательным атрибутом выступает вчувствование в Другого, особое эмоциональное сопереживание...» (35, с. 160). Чтение целостно, происходит на символическом уровне, является единством самоподтверждения и самоопровержения в акте коммуникации с другим. «Чтение – это дистантная идеографическая духовная коммуникация с принципиальным множеством партнеров» (35, с. 185), достоинство такой definicijii заключается во введении чтения в сложнейшую систему духовных коммуникаций, уже достаточно описанную в науке, в признании его специфическим элементом этой системы, в уходе от упрощенного кибернетического понимания природы чтения.

Социокультурный контекст взаимодействия автора и книги

В работе ленинградского ученого-педагога Александра Михайловича Левидова «Автор – образ – читатель» (часть обширного труда «Диалектический метод изучения литературного произведения

ния (Руководство к чтению художественной литературы») с единых философских позиций анализируются закономерности творчества писателя и читателя как совместный процесс. Как отмечается в предисловии, «в книге, философской в своей основе, автора занимает в первую очередь не специальная разработка теоретических проблем искусства, а непосредственное применение философии, ее практическое использование с целью повышения уровня восприятия произведений искусства» (18, с. 7).

Развивая мысль о художественном образе как фокусе творчества писателя и читателя, автор особое внимание сосредоточивает на отправном пункте этого творчества – «динамике психики персонажа, смене его мыслей и чувств, его действиях под влиянием различных факторов, в зависимости от тех или иных обстоятельств. Писатель это движение изображает, читатель воспринимает» (18, с. 8). Следует отметить, что А.М. Левидов упорно искал термин, достаточно емкий, чтобы охарактеризовать диалектическую сложность, внутреннюю неисчерпаемость художественных образов, созданных великими писателями – классиками русской и мировой литературы. О самом термине «спиралевидность», вероятно, можно было бы спорить, но нельзя отбросить объективно существующую закономерность, скрытую за ним. Понятие спиралевидности, «напоминая о спиралевидном и бесконечном пути человеческого познания, организует мысль...» (18, с. 8). Ценность художественного произведения проверяется в процессе его потребления. Перечитывание характеризует и читателя, и автора. Как правило, литературное произведение, которое неоднократно перечитывается (в индивидуальной практике читателя или из поколения в поколение), отличается богатством конкретного и глубиной абстрактного. Читатель должен в какой-то степени быть адекватен автору. При известном трудолюбии, при надлежащем внимании, даже при средних способностях (особенно при хорошей памяти) усвоить данный материал сравнительно легко. Творческое же чтение художественной литературы предъявляет к интеллекту читателя несравненно большие требования. Ведь перед его глазами искусство, жизнь с ее противоречиями, психология персонажа с ее глубиной, сложные переплетения человеческих взаимоотношений.

Этот анализ перекликается с эссе Германа Гессе: «...но даже если читатель не овладеет новыми языками и не познакомится

с новыми литературами, доселе ему неизвестными, чтение одних и тех же книг он сможет продолжить до бесконечности, обнаруживая не замеченные прежде детали, укрепляя первые впечатления, получая очередные. Одна и та же книга какого-нибудь мыслителя, одно и то же стихотворение какого-либо поэта каждую пару лет будут представляться читателю иными, будут восприниматься по-другому, затрагивать ранее молчавшие струны» (10, с. 138). Умберто Эко в книге «Роль читателя» формулирует: любая книга подразумевает (моделирует) определенного читателя. Эко вводит термин «*Lettore Modello*» («читатель-модель» или «модель читателя») и говорит об «идеальном читателе». Далее он поясняет: «Создавая текст, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор... должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» (44, с. 17).

В трактовке Ю.М. Лотмана чтение может быть приблизительно определено понятиями «открытие», «вдохновение»: «...вводимая мной в меня информация коррелирует с предшествующей информацией, зафиксированной в моей памяти, доорганизовывает ее, и в результате «на выходе» получается значительный прирост информации. Требования к тексту, который вводится в мое сознание в случае, если он носитель *всей* информации или же лишь «запал», провоцирующий дальнейшее движение мысли и рост информации, будут различными» (34, с. 284). Эта парадигма обосновывает две базовые стратегии чтения – аналитическое познание, строго соответствующее установленным правилам, и «языковую игру», допускающую некоторую свободу в границах установленных правил (Л. Витгенштейн, У. Куайн, Р.В. Селларс). Эти стратегии формируют два типа читательской культуры – «текстовую культуру», ориентированную на тиражирование текстовых прецедентов, и «культуру грамматик», ориентированную на творческое воссоздание и авторское создание текстов на основе рефлексивного осмыслиения порождающих моделей, правил структурирования текстов.

При чтении может происходить взаимоаналожение добавочных читательских кодов на исходное сообщение, в связи с чем в понимании смысла большую роль играют ассоциативные механизмы, ассоциативные значения, то, что Л. Витгенштейн назвал

«семейным подобием» (сходством). Истинно творческий текст, представляющий собой свободное откровение личности, не допускает логического каузального объяснения, а требует понимания в диалоге. Понимание неизбежно носит диалогический характер, оно не может быть, по представлениям М. Бахтина, простым дублированием. М. Бахтин утверждает мысль о том, что, во-первых, необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, адресованность, т.е. без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта, во-вторых, всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте (идея хронотопа). Таким образом, показателем развития читательской деятельности признается именно адекватное понимание автора литературного произведения, т.е. понимание внутреннего мира героев и относящихся к нему авторских оценок. Но при этом чтение предполагает именно сочетание «неслияных голосов» в незавершном диалоге, т.е. сохранение собственной индивидуальной позиции читателя. По мнению М. Бубера, в диалогических отношениях личности автора и читателя самостоятельны и различны, и подлинные смыслы произведения не передаются от автора к читателю, а рождаются в возникающей в процессе чтения сфере «между». Таким образом, чтение в эпистемологической парадигме выступает как особая форма диалога с миром, природой, другими людьми. «Исследователи, опирающиеся на эту парадигму, рассматривают чтение как универсальный способ взаимодействия с окружающим миром, который трактуется как текст, подлежащий пониманию» (34, с. 285). Исключив расширительные компоненты чтения, можно, опираясь на представления К. Ясперса, выделить некоторые фундаментальные позитивные характеристики феномена чтения: «Чтение представляет собой особый вид высокодуховной экзистенциальной коммуникации, опосредованной текстом или особым информативным дискурсом» (35, с. 157).

Б. В. Ленский дает собственное определение электронной книги. Если книга является формой закрепления семантической информации, фиксируемой на листовом материале, то «дадим аналогичное определение: электронная книга – это форма закрепления семантической информации, фиксируемая на электронном носителе. Для электронной книги так же верно то, что она является продуктом общественного сознания. Книга и электронная книга являются по сути способом передачи информации. Но в разных

формах» (19, с. 25). С 1971 г. проходят международные конференции по проблемам книговедения, с 2000 г. в рамках конференции работает специализированная секция «электронной книги и информационных технологий». Внимательное рассмотрение ситуации в книжном мире позволяет утверждать, что в странах с развитым потенциалом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) объемы выпускаемой книжной продукции возрастают более высокими темпами, чем в среднем по миру. В этом смысле нужно говорить скорее не о вытеснении книжного дела со стороны ИКТ, а о ситуации, при которой отношения сотрудничества и кооперации превалируют над отношениями конкуренции и взаимного неприятия. Когда малоизвестный канадский социолог и литературовед Г.М. Маклюэн опубликовал в начале 1960-х годов книгу с метафорическим названием «Галактика Гутенберга», он предсказал неизбежный, по его мнению, «закат» эры печатной книги и наступление электронной эры, которая приведет к созданию новой цивилизации в форме «глобальной деревни». Надо сказать, что «опыт мирового книгоиздания пока не подтверждает однозначно этот прогноз» (8, с. 30). «По моему глубокому убеждению, этот взрыв – не только результат экономического подъема, увеличения количества школ, роста населения и развития прогрессивных процессов урбанизации. Объем книгоиздания увеличивается в первую очередь благодаря тому, что книга продолжает оставаться наиболее предпочтительной формой существования и сохранения культурного наследия и в этом смысле – незаменимым элементом развития культуры» (20, с. 10–11).

Появившиеся в конце XX в. способы быстрого копирования и распространения, прежде всего электронных, текстов изменили как читателей, так и зрителей. События реального мира утрачивают определенность, размывается граница между реальным, достоверным, вероятным, возможным, правдоподобным. Возможность предъявления любых свидетельств события, пусть самых достоверных, перестает свидетельствовать о реальности мира, частью которого это событие является. Информация приобретает характер симулякров, отличающихся друг от друга только своими порядками, одним из которых становится собственное существование. Читатели или зрители, чье воображение не успело насытиться экранными образами чужой жизни, стремятся избавиться от экзистенциального напряжения, самостоятельно восстанавливая целостность инфор-

мационного потока: в сетях возникают субкультурные группы, стоящиеся вокруг порождаемых ими же разнообразнейших апокрифов и иерархически упорядочивающихся в качестве социальной структуры в самом процессе своего создания. Ярче всего их присутствие проявляется в Интернете, где любой текст может быть мгновенно доступен для заинтересованных любителей, ценителей и критиков-энтузиастов. Правда, есть вероятность, что культура выдержит и это испытание – «и тогда приходит пора не только перечитывать книги, чтобы прочесть их как следует, но и пересматривать кинофильмы, чтобы научиться видеть происходящее и уметь о нем рассказывать. Пересматривать экранизации литературной классики – хорошее начало для этого» (22, с. 246).

В.И. Васильев и М.А. Ермолаева выделяют основные подходы к определению понятия «книжная культура», которая рассматривается как уровень развития книжного дела и как многоуровневая система, междисциплинарное научное направление. Вопреки пессимистическому и радикальному прогнозу в работе «Галактика Гутенберга» в мировом книгоиздании в этот период, напротив, шел процесс ускоренного роста выпуска книжной продукции. Маклюэн также прогнозировал, что аудиовизуальные средства приведут к созданию принципиально иной коммуникационной системы, что, вероятнее всего, будет означать крах традиционных видов общения, связанных с печатным словом. Однако, и это совершенно точно, последние 20 лет, в период, когда телевидение проникло практически в каждый дом, книжное дело переживает беспрецедентный бум, настолько мощный, что книгопроизводство в некоторых странах удвоилось как по количеству названий, так и по тиражам. В последние годы проблемы изучения роли книги в социуме, в эволюции основных институтов человеческого общества заняли значительное место не только в книговедческих исследованиях, но и в гуманитарном знании в целом. «Книга сегодня абсолютно необходимый атрибут жизни, без которого у человека нет ни истории, ни культуры, ни представлений о завтрашнем дне» (40, с. 1), – отмечает директор Института всеобщей истории академик РАН А.О. Чубарьян. В отечественной историографии складывается представление о книжной культуре как особом феномене, выступающем как продукт общекультурных процессов и важнейший фактор, стимулирующий цивилизационное развитие общества. В то же время отмечается, что и «библиография в ряде

докладов определяется как феномен культуры» (8, с. 32). Близкий авторам второй подход, который представляется более разумным, предполагает рассмотрение книжной культуры как многоуровневой системы, позиционирующейся как самостоятельное междисциплинарное научное направление на стыке ряда наук. При этом имеется в виду, что «понятие «книжная культура» значительно шире понятия «книжное дело», так как характеризует состояние общества, его духовности, культуры, интеллектуального потенциала и даже уровень технологического развития» (8, с. 33).

Особенно хотелось бы остановиться на информационно-культурологической концепции библиографии, определяющей ее как «один из эффективных способов отражения, хранения, трансляции важнейших элементов культурного прогресса, средств информационной культуры, библиографического общения (на основе книги и сведений о ней), что одновременно является и одним из важнейших критерии книжной культуры» (8, с. 34). Еще в 1960-е годы с культурологических позиций библиография рассматривалась как область культуры, содержанием которой является информация о произведении печати, а также оценка, рекомендация, пропаганда произведений печати, в той мере, в какой они связаны с информационной функцией библиографии. На взгляд авторов, «взаимосвязь книжной культуры и библиографии обусловлена их назначением, которое заключается в сохранении духовного потенциала прошлого и настоящего, адаптации его к современной социокультурной ситуации. Их объединяет общий объект исследования, каковыми являются книга, публикация, произведение печати» (8, с. 33). Библиография имеет общую сферу с такой составляющей книжной культуры, как культура книги в плане формирования библиографической части аппарата издания. Она взаимодействует и с культурой чтения в форме подготовки соответствующей информации о рекомендуемых книгах в целях продвижения их к читателю. «И библиографию, и книжную культуру можно отнести к информационным ресурсам, обеспечивающим информационные потребности общества на культурно-историческом пространстве» (8, с. 33). В послевоенный период неоднократно возникали дискуссии по различным вопросам библиографии: о соотношении библиографической теории и практики, о понимании самого термина «библиография». Дискуссии завершились выработкой раздельных определений, введением понятия «библиографоведение» для биб-

лиографии-науки, что привело к усилению работы теоретической мысли и, как следствие, к появлению крупных монографических исследований (А.И. Барсука, Д.Ю. Телова, О.П. Коршунова). Если работы А.И. Барсука были в русле книговедческой концепции библиографии, создавались на стыке общей теории книговедения и библиографии, то монографии и учебники О.П. Коршунова (как и написанные под его редакцией) положили начало новому подходу, основанному на системных началах, и вывели библиографические исследования на новый уровень теоретизирования. Заслуга и А.И. Барсука и О.П. Коршунова усматривается главным образом в том, что их исследования и концепции отличаются единством методологического подхода (в одном случае – книговедческого, в другом – документографического системодеятельностного), что привело к своеобразной «революции» в области библиографии: на смену традиционному (так сказать, «мануфактурному») периоду пришел новый, соответствующий современному системному, электронно-компьютерному мышлению (3, с. 8).

Список литературы

1. Антопольский А.Б., Вигурский К.В. Электронные издания: Проблемы и решения // Межотраслевая информационная служба. – М., 1998. – № 1. – С. 18–25.
2. Баренбаум И.Е. Книговедение и электронная книга // Книга: Исследования и материалы. – М., 1999. – Сб. 76. – С. 5–15.
3. Баренбаум И.Е. О соотношении теории, истории, методики и практики книжного дела (Историко-прогностический обзор) // Книга: Исследования и материалы. – М., 1994. – Сб. 68. – С. 5–18.
4. Беловицкая А.А. Книга – это развившая себя до совершенства вторая сигнальная система // Книжное дело. – М., 1992. – № 2. – С. 6.
5. Боднарский Б. Бібліографія, якъ синтезъ книжной мысли // Бібліографіческія ізвѣстія. – М., 1916. – № 1–2. – С. 83–90.
6. Боднарский Б.С. Сущность и значение документации // Советская библиография. – М., 1937. – № 1 (15). – С. 41–50.
7. Борев В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
8. Васильев В.И., Ермолаева М.А. Библиография и книжная культура: Эволюция взаимосвязей // Библиография. – М., 2010. – № 6. – С. 29–34.
9. Гаврилов А.И. Тенденции развития научно-информационной деятельности: Организационно-методологический аспект // НТИ. Серия 1, Организация и методика информационной работы / ВИНИТИ. – М., 1991. – № 3. – С. 1–8.
10. Гессе Г. Магия книги: Сборник эссе. – М.: Книга, 1990. – 238 с.

11. Гречихин А.А. Слово о М.Н. Куфаеве // Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – С. 15–60.
- 11 а. Гиляревский Р.С. Основы информатики. – М.: Наука, 1998. – 756 с.
12. Ельников М.П. Методология книги как научной дисциплины // Восьмая научная конференция по проблемам книговедения. – М.: РКП, 1996. – С. 15–17.
13. Ельников М.П. Феномен книги. (Теоретико-гносеологический аспект) // Книга: Исследования и материалы. – М., 1995. – Сборник 71. – С. 53–68.
14. Зубков Н.Н. Смысл и книга // Теория литературы. – М., 2011. – Т. 2: Произведение. – С. 107–125.
15. Кориунов О.П. Библиография в системе информационных коммуникаций. (К вопросу о соотношении библиографии с библиотечным делом и научно-информационной деятельностью) // Советская библиография. – М., 1974. – № 6. – С. 64–82.
16. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – 192 с.
17. Ларьков Н.С. На пути к общему документоведению // Документ как социокультурный феномен: Сб. материалов. – Томск, 2010. – С. 21–29.
18. Левидов А.М. Автор – образ – читатель. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. – 360 с.
19. Ленский Б.В. Перспективы развития книжной культуры в информационном обществе (Опыт экспертной оценки) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2011. – Сб. 94/ 1. – С. 17–38.
20. Ленский Б.В., Васильев В.И. «Галактика Гутенберга» и информационное общество // Книга. Исследования и материалы: Сб. 87/ 2. – М.: Наука, 2007. – С. 5–16.
21. Леонов В.П. *Bésame mucho*: Путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. – М.: Наука, 2008. – 268 с.
22. Литвинский В.М., Предовская М.М. Экранизация: От книги к экрану и обратно // Дни Петербургской философии. – 2010. – СПб., 2011. – С. 237–246.
23. Мелентьева Ю.П. Общая теория чтения: Постановка проблемы // Поддержка и развитие чтения: Тенденции и проблемы. – М., 2011. – С. 7–16.
24. Мелентьева Ю.П. Эволюция представлений о сущности чтения // Региональные проблемы истории книжного дела: Материалы II Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 2011. – С. 32–37.
25. Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. – М., 1964. – № 2. – С. 27–37.
26. Моргенштерн И.Г. Динамика и статика книги (Стабильность содержания как атрибут книги) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2002. – Сборник 80. – С. 147–161.
27. Моргенштерн И.Г. Книга и книжное дело в информационном обществе // Моргенштерн И.Г. Информационный и книжный мир. Библиография (Избранное). – СПб., 2007. – С. 334–356.
28. Моргенштерн И.Г. Проблемы типологии современной книги // Книга: Исследования и материалы. – М., 1975. – Сб. 30. – С. 44–45.
29. Плешкевич Е.А. Проблемы эволюции теоретических положений в дисциплинах документально-информационного цикла (обзор) // НТИ. Сер. 1, Организа-

- ция и методика информационной работы / ВИНИТИ. – М., 2009. – № 7. – С. 1–11.
30. Плешкевич Е.А. Современные проблемы документоведения: Обзор // НТИ. Сер. 1, Организация и методика информационной работы / ВИНИТИ. – М., 2006. – № 11. – С. 3–10.
31. Плешкевич Е.А. Теория документальной информации: Библиотечно-книговедческий аспект (постановка проблемы) // Библиотековедение. – М., 2011. – № 3. – С. 22–27.
32. Плешкевич Е.А. Формирование научных концепций о документальных формах информации. Гносеологическая и управлеченческая концепции документа // НТИ. Сер. 1, Организация и методика информ. работы / ВИНИТИ. – М., 2010. – № 12. – С. 1–21.
33. Соколов А.В. Чтение в информационном обществе (постановка проблемы) // Современный читатель: Взгляд специалистов книжной культуры. – СПб., 2011. – С. 11–19.
34. Стефановская Н.А. Чтение как технология познания // XVI Державинские чтения: Материалы Общероссийской науч. конференции, февр. 2011 г. – Тамбов: Академия культуры и искусств, 2011. – С. 282–286.
35. Стефановская Н.А. Экзистенциальные основы чтения. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 264 с.
36. Столяров Ю.Н. Будущее книги: Мнение книголюбов // Книга: Исследования и материалы. – М., 1986. – Сб. 54. – С. 74–94.
37. Столяров Ю.Н. Зачем документология нужна документоведению и зачем книговедению? Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Научные и технические библиотеки. – М., 2006. – № 9. – С. 67–73.
38. Столяров Ю.Н. Классификация документа: Решения и проблемы // Книга: Исследования и материалы. – М., 1995. – Сб. 70. – С. 24–40.
39. Столяров Ю.Н. О соотношении книги с документами, книговедения с документологией // Книга: Исследования и материалы. – М., 2001. – Сб. 79. – С. 76–84.
40. Чубарьян А.О. Значение книги и библиотеки непреходяще // Библиотековедение. – М., 2001. – № 5. – С. 1–7.
41. Чубарьян О.С. Библиотека и информация // Советская библиография. – М., 1964. – № 4. – С. 3–12.
42. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: Учеб. пособие. – М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009. – 487 с.
43. Швецова-Водка Г.Н. Функциональная сущность и свойства книги // Книга: Исследования и материалы. – М.: Терра, 1995. – Сб. 71. – С. 69–96.
44. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.
45. Ямчук К.Т. Книга в коммуникационном пространстве (ценностный подход) // Книга: Исследования и материалы. – М., 1994. – Сб. 68. – С. 38–48.
46. Griffin M. The library of tomorrow // Library journal. – N.Y., 1962. – Vol. 87, N 8. – P. 1555–1557.
47. A history of reading in the West / Eds. Cavallo G., Chartier R. – Massachusett: Univ. of Massachusetts press, 1994. – 478 p.